

Война и мир. Михаил Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Война и мир. Михаил Булгаков

Инсценированный роман Л.Н. Толстого
в четырех действиях (тридцать сцен).
ДЕЙСТВУЮТ:

1. Чтец.
2. Графиня Елена Васильевна Безухова (Элен).
3. Граф Петр Кириллович Безухое (Пьер).
4. Князь Анатолий Васильевич Курагин (Анатоль).
5. Княжна Марья Николаевна Волконская (Марья).
6. Князь Андрей Николаевич Болконский (Андрей).
7. Князь Николай Андреевич Болконский (Болконский).
8. Графиня Наталья Ильинична Ростова (Наташа).
9. Графиня Ростова – мать (Графиня)
10. Граф Ростов – отец (Граф).
11. Граф Петр Ильич Ростов (Петя).
12. Граф Николай Ильич Ростов (Ростов).
13. Соня, племянница графа Ростова (Соня).
14. Император Александр I (Александр).
15. Растопчин.
16. Кутузов, светлейший князь.
17. Моряк-либерал.
18. Сенатор.
19. Апраксин, Степан Степанович.
20. Нехороший игрок.
21. Глинка, писатель.
22. Шиншин, московский остряк.
23. Ильин, гусарский офицер.
24. Принц Виртембергский.
25. Щербинин.
26. Ермолов.
27. Вольцоген, флигель-адъютант.
28. Раевский.
29. Кайсаров.
30. Адъютант Кутузова.

31. Другой адъютант.
32. Еще адъютант.
33. Неизвестный адъютант.
34. Доктор.
35. Бледный офицер.
36. Майор.
37. Макар Алексеевич.
38. Человечек в вицмундире.
39. Марья Николаевна, потерявшая ребенка.
40. Красавица-армянка.
41. Старик.
42. Толь.
43. Болховитинов.
44. Генерал.
45. Денисов.
46. Долохов.
47. Эсаул.
48. Ливрейный лакей Ростовых.
49. Лаврушка, денщик Николая Ростова.
50. Тихон, камердинер Болконского.
51. Алпатыч.
52. Дуняша, горничная Волконской.
53. Дрон, староста.
54. Длинный мужик.
55. Один мужик.
56. Небольшой мужик.
57. Карп.
58. Круглолицый мужик.
59. Повар Кутузова.
60. Денщик Кутузова.
61. Черноволосый унтер-офицер.
62. Раненый солдат.
63. Фельдшер 1-й.
64. Фельдшер 2-й.

65. Солдат с котелком.
66. Берейтор.
67. Мавра Кузьминишна, ключница Ростовых.
68. Васильич, дворецкий Ростовых.
69. Буфетчик Ростовых.
70. Слуга Ростовых.
71. Почтенный камердинер Андрея.
72. Денщик бледного офицера.
73. Матрена Тимофеевна, шеф жандармов у Ростовых.
74. Горничная Ростовых.
75. Герасим, камердинер Баздеева.
76. Кухарка Баздеева.
77. Рябая баба.
78. Первый острожный.
79. Второй острожный.
80. Дворовый, лет 45.
81. Очень красивый мужик.
82. Желтый фабричный.
83. Тихон, партизан.
84. Пленный русский солдат.
85. Каратаев.
86. Краснорожий мушкетер.
87. Востроносенький мушкетер.
88. Молодой мушкетер.
89. Плясун-мушкетер.
90. Старый мушкетер.
91. Фельдфебель I.
92. Фельдфебель II.
93. Песельник-мушкетер.
94. Вышедший мушкетер.
95. Откупщик.
96. Голова.
97. Наполеон.
98. Паж Наполеона.

99. Маршал Бертье.
100. Лелорм-Дидевиль, переводчик.
101. Адъютант Наполеона.
102. Граф Рамбаль.
103. Морель, денщик Рамбаля.
104. Маленький мародер, француз.
105. Мародер в капоте, француз.
106. Французский улан.
107. Французский улан-офицер.
108. Маленький человечек, француз.
109. Маршал Даву.
110. Адъютант Даву.
111. Первый французский синий солдат.
112. Второй французский синий солдат.
113. Босс, барабанщик, француз.
114. Француз-конвоир.
115. Официант у Болконских.

Голос I.

Голос II.

Голос III.

Голос IV.

Голос V.

Действие происходит в 1812 году в России.

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА I

Кабинет Пьера. Зимний вечер. Пьер входит. Тотчас открывается дверь, из салона выходит Элен. Слышатся глухо клавикорды.

Элен. Ah, Pierre! Ты не знаешь, в каком положении наш Анатоль!..

Пауза.

Пьер. Где вы – там разврат, зло! (В дверь.) Анатоль! Анатоль! Пойдемте, мне нужно поговорить с вами.

Элен. Si vous vous permettez dans mon salon... {Ежели вы позволите себе в моей гостиной... (фр.) В дальнейшем перевод с французского языка не оговаривается. Перевод иностранного текста взят из романа Л.Н.Толстого "Война и мир". (Собр. соч.: в 22 т. М., 1980-1981. Т. 4-7.)}

Пьер. У... Вы больше чем когда-либо ненавистны мне!

Элен быстро выходит.

Анатолий входит, в адъютантском мундире, с одной эполетой.

Пауза.

Вы, будучи женаты, обещали графине Ростовой жениться на ней и хотели увезти ее?

Анатолий. Мой милый, я не считаю себя обязанным отвечать на допросы, делаемые в таком тоне.

Пьер схватывает Анатолия за глотку, душит его и рвет на нем воротник мундира.

Элен (появившись в дверях). *Si vous vous...*

Пьер (ей, бешено). У...

Элен скрывается и слушает.

(Вновь ухватив Анатолия.) Когда я говорю, что мне надо говорить с вами... Когда я говорю!.. (Выпускает Анатолия.)

Анатолий (с разорванным воротом). Ну, что, это глупо... А?

Пьер. Вы – негодяй и мерзавец, и я не знаю, что меня воздерживает от удовольствия размоzzить вам голову вот этим... (Схватывает со стола пресс-папье.) Обещали вы ей жениться?

Анатолий. Я, я не думал; впрочем, я никогда не обещался, потому что...

Пьер. Есть у вас письма ее? Есть у вас письма?

Анатолий достает письмо из бумажника. Пьер берет письмо, отталкивает стол, валится на диван. Анатолий испуган.

Je ne serai pas violent, ne craignez rien! {я ничего не сделаю, не бойтесь.}
Письма – раз. Второе – вы завтра должны уехать из Москвы.

Анатолий. Но как же я могу?..

Пьер. Третье – вы никогда ни слова не должны говорить о том, что было между вами и графиней. Этого, я знаю, я не могу запретить вам, но ежели в вас есть искра совести... Вы не можете не понять наконец, что кроме вашего удовольствия есть счастье, спокойствие других людей, что вы губите целую жизнь из-за того, что вам хочется веселиться. Забавляйтесь с женщинами, подобными моей супруге и вашей сестре. Они вооружены против вас тем же опытом разврата. Но обещать девушке жениться, обмануть, украсть! Как вы не понимаете, что это так же подло, как прибить старика или ребенка?

Анатолий. Этого я не знаю. А? Этого я не знаю и знать не хочу. Но вы сказали мне такие слова: подло и тому подобное, которые я, *comme un homme d'honneur* {как честный человек.}, никому не позволю... Хотя это и было с глазу на глаз, но я не могу...

Пьер. Что же, вам нужно удовлетворение?

Анатолий. По крайней мере бы можете взять назад свои слова. А? Ежели вы хотите, чтобы я исполнил ваши желания? А?

Пьер. Беру, беру назад. И прошу вас извинить меня. И денег, ежели вам нужно на дорогу.

Анатолий робко улыбается. Элен, успокоенная, выходит на сцену.

О, подлая, бессердечная порода!

Темно

СЦЕНА II

Комната в доме князей Болконских в Москве. Входит Пьер, а навстречу ему княжна Марья. Пьер целует ей руку. За дверями слышится голос князя Андрея: "Судить человека в немилости очень легко и взваливать на него ошибки других; а я скажу, что ежели что-нибудь сделано хорошего в нынешнее царствование, то

все хорошее сделано им, им одним... Сперанским!"

Марья (шепотом). Он сказал, что ожидал этого. Я знаю, что гордость его не позволит ему выразить своего чувства, но все-таки лучше, гораздо лучше он перенес это, чем я ожидала. Видно, так должно было быть...

Пьер. Но неужели все кончено?

Марья с удивлением смотрит на него, уходит.

Андрей (выходит, доказывая кому-то). И потомство отдаст ему справедливость... (Пьеру.) А! Ну ты как? Все толстеешь?

Пьер. А вы?..

Андрей. Да я здоров. (Пауза.) Прости меня, ежели я тебя утруждаю. (Достает письма из шкатулки.) Я получил отказ от графини Ростовой, и до меня дошли слуха об искании ее руки твоим шурином или тому подобное. Правда ли это?

Пьер. И правда и неправда.

Андрей. Вот ее письма и портрет. Отдай это графит не, ежели ты увидишь ее.

Пьер. Она очень больна.

Пауза.

Андрей. А князь Курагин?

Пьер. Он давно уехал. (Пауза.) Она была при смерти.

Андрей. Очень сожалею об ее болезни. Но господин Курагин, стало быть, не удостоил своей руки графиню Ростову?

Пьер. Он не мог жениться, потому что он был женат.

Андрей (засмеялся). А где же он теперь находится, ваш шурином, могу ли я узнать?

Пьер. Он уехал в Петер... Впрочем, я не знаю.

Андрей. Ну, да это все равно. Передай графине Ростовой, что она была и есть совершенно свободна и что я желаю ей всего лучшего.

Пауза.

Пьер. Послушайте, помните вы наш спор в Петербурге? Помните о...

Андрей. Помню. Я говорил, что падшую женщину надо простить, но я не говорю, что я могу простить. Я не могу.

Пьер. Разве можно это сравнивать?

Андрей. Да, опять просить ее руки, быть великодушным и тому подобное? Да, это очень благородно, но я не способен идти sur les brisees de monsieur {По следам этого господина...} ...Ежели ты хочешь быть моим другом, не говори со мной никогда про эту... про все это. Ну, прощай. Так ты передашь?

Пьер уходит.

(Один.) Мне не стоит, не стоит унижаться до столкновения с ним. Не стоит. Но я не могу не вызвать его, не могу, как не может голодный человек не броситься на пищу! Ах, Боже мой, Боже мой. И как подумаешь, что и кто какое ничтожество может быть причиной несчастья людей!..

Дверь тихо открывается. Входит княжна Марья.

Марья. Andre, я понимаю, что ты разумеешь того человека, который погубил твое счастье. Andre, об одном я прошу, я умоляю тебя. Не думай, что горе сделали люди. Люди – орудие его (указывает вверх). Ежели тебе кажется, что кто-нибудь виноват перед тобой, забудь это и прости. Мы не имеем права наказывать. И ты поймешь счастье прощать!

Андрей (рассмеявшись). Ежели ты уговариваешь меня простить, значит, надо наказывать. Наказать!

Темно

СЦЕНА III

Зал в доме графов Ростовых. Вечер: В окне стоит комета. Наташа выходит к

Пьеру.

Наташа. Петр Кириллыч, князь Болконский был вам друг. Он и есть вам друг. Он говорил мне тогда, чтобы обратиться к вам. Он теперь здесь; скажите ему, чтобы он... прост... простил меня.

Пьер. Да, я скажу ему, но...

Наташа. Нет, я знаю, что все кончено. Меня мучает только зло, которое я ему сделала. Скажите только ему, что я прошу его простить, простить меня за все.

Пьер. Я все скажу ему, но об одном я прошу вас – считайте меня своим другом и, ежели вам нужна помощь, совет, просто нужно будет излить свою душу кому-нибудь – не теперь, а когда у вас будет ясно в душе, – вспомните обо мне. (Целует ее руку.) Я счастлив буду, ежели в состоянии буду...

Наташа. Не говорите со мной так: я не стою этого! (Хочет уйти.)

Пьер (удержав ее за руку). Перестаньте, перестаньте, вся жизнь впереди для вас.

Наташа. Для меня? Нет! Для меня все пропало!

Пьер. Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире и был бы свободен, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви вашей.

Наташа плачет и уходит из комнаты.

Куда? Куда же можно ехать теперь? Неужели в клуб или в гости? Все люди так жалки и бедны в сравнении с тем благодарным взглядом, которым она взглянула на меня. (Подходит к окну.) Комета! Комета! Да, комета... (Уходит.)

Чтец (выходя в дом Ростовых). Огромное пространство звездного темного неба открылось глазам Пьера. Почти в середине этого неба над Пречистенским бульваром, окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом и длинным, поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая комета 1812 года: та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света. Но в Пьере светлая звезда эта с длинным лучистым хвостом не возбуждала никакого страшного чувства. Напротив, Пьер радостно, мокрыми от слез глазами, смотрел на эту светлую звезду, которая как будто, с невыразимой быстротой пролетев неизмеримые пространства по параболической линии, вдруг, как вонзившаяся стрела в землю, вцепилась тут в одно избранное ею место на черном небе и остановилась, энергично подняв кверху хвост...

Пьеру казалось, что эта звезда вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе.

Темно

СЦЕНА IV

В темноте слышен церковный хор.

Чтец. В 1812 году силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые, в этот период времени, люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления.

Домовая церковь Разумовских. Толпа молящейся знати.

Голос I. Сам государь приезжает из армии в Москву.

Голос II. Смоленск-то, говорят, сдан.

Голос III. Только чудо, о Господи, может спасти Россию!

Входят Наташа, Графиня-мать, Ливрейный лакей.

Голос I. Это Ростова, та самая... Курагин-то...

Голос II. Как похудела, а все-таки хороша.

Голос IV за сценой: "Миром Господу помолимся!"

Наташа. Миром все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью будем молиться!..

Хор

Голос IV: "О ненавидящих нас и врагах наших Господу помолимся!"

Это о князе Андрее. Молюсь за то, чтобы Бог простил то зло, которое я ему сделала.

Хор. Голос IV: "О ненавидящих нас и врагах наших Господу помолимся".

Кто враг? Это Анатолий, сделавший мне зло. Молюсь за него радостно как за врага.

Хор. Голос IV: "Сами себя и живот наш Христу-Богу предадим!"

Боже мой! Предаю себя твоей воле. Ничего не хочу, не желаю: научи меня, что мне делать! Возьми меня, возьми меня!

Хор.

Графиня. Боже мой, Боже мой! Помоги моей дочери!

Неожиданно наступает тишина. Все становятся на колени. Голос V за сценой: "Господи Боже сил, Боже спасения нашего! Пощади и помилуй нас! Се враг, смущаяй землю твою и хотяи положити вселенную пусту, восста на ны; еже погубите достояние твое, возлюбленную твою Россию! Владыко Господи! Укрепи силою твоею благочестивейшего самодержавнейшего государя нашего Александра Павловича! Порази враги наши и сокруши их под ноги верных твоих вскоре! Ты бо еси помощь и победа уповающих на тя, и тебе славу воссылаем,

отцу и сыну и святому духу и ныне и присно и во веки веков".

Хор. Аминь!

Толпа двинулась в глубь церкви.

Наташа (одна). Но я не могу молиться о попрании под ноги врагов своих, когда я

Война и мир. Михаил Булгаков bulgakovmikhail.ru
за несколько минут перед этим молилась за них! О, ужас перед наказанием людей за их грехи! Это за мои грехи! Боже, прости их всех и меня и дай спокойствие и счастье в жизни! Бог слышит мою молитву!

Хор поет громогласно концерт: "Владыко Господи, услыши нас, молящихся тебе!"

Темно

СЦЕНА V

В темноте затихает хор.

Чтец (выходя). С того дня, как Пьер, уезжая от Ростовых и вспоминая благодарный взгляд Наташи, смотрел на комету, стоящую на небе, и почувствовал, что для него открылось что-то новое, – вечно мучивший его вопрос о тщете и безумности всего земного перестал представляться ему. Этот страшный вопрос: зачем? к чему? – теперь заменился для него не другим вопросом и не ответом на прежний вопрос, а представлением ее. Ну, и пускай такой-то обокрал государство и царя, а государство и царь воздают ему почести; а она вчера улыбнулась мне и просила приехать, и я люблю ее, и никто никогда не узнает этого!..

Хор постепенно сменяется голосом Наташи, которая поет:

...Что и она, рукой прекрасной

По арфе золотой бродя,

Своей гармонией страстной

Зовет к себе, зовет тебя!.. Сцена представляет зал в доме Ростовых. Наташа поет. Пьер открывает дверь,

входит.

Наташа. Я хочу попробовать опять петь. Все-таки это занятие.

Пьер. И прекрасно.

Наташа. Как я рада, что вы приехали. Я нынче так счастлива. Вы знаете, Nicolas получил Георгиевский крест. Я так горда за него. (Пауза.) Граф! Что это, дурно, что я пою?

Пьер. Нет... Отчего же... напротив. Но отчего вы меня спрашиваете?

Наташа. Я сама не знаю. Но я ничего бы не хотела сделать, что бы вам не нравилось. Я вам верю во всем. Вы не знаете, как вы для меня важны и как много вы для меня сделали. (Пауза. Шепотом.) Он, Болконский... он в России и опять служит командиром егерского полка. (Пауза.) Как вы думаете, простит он меня когда-нибудь? Не будет он иметь против меня злого чувства? Как вы думаете?

Пьер. Я думаю... Ему нечего прощать... Ежели бы я был на его месте...

Наташа. Да вы – вы, вы – другое дело. Добрее, великодушнее, лучше вас я не знаю человека, и не может быть. Ежели бы вас не было тогда, да и теперь, я не знаю, что бы было со мною, потому что... (Заплакала, потом запела и ушла.)

Пьер остался один, задумавшись. Дверь тихонько открывается, входит Петя.

Петя. Петр Кириллыч, а Петр Кириллыч?..

Пьер молчит.

Петр Кириллыч!..

Пьер. А, ну?..

Петя. Ну что мое дело, Петр Кириллыч, ради Бога. Узнали – примут меня в гусары? Одна надежда на вас.

Пьер. Ах, да, твое дело. В гусары-то? Скажу, скажу. Нынче скажу все.

Петя убегает.

Граф (входя). Ну что, mon cher {Милый.}, ну что, достали манифест?

Пьер. Достал. Завтра государь будет... Необычайное дворянское собрание, и, говорят, по десяти с тысячи набор. Да, поздравляю вас.

Граф. Да, да, слава Богу. Ну, а из армии что?

Пьер. Наши опять отступили. Под Смоленском уже, говорят.

Граф. Боже мой, Боже мой! Где же манифест?

Пьер. Воззвание? Ах, да... (Хлопает по карманам.)

Графиня входит.

(Целует ей руку.) Ma parole, je ne sais plus ou je Pai fourre {Ей-богу, не знаю, куда я его дел.}

Графиня. Ну, уж вечно растеряет все!

Наташа входит.

Пьер. Ей-богу, я съезжу, я дома забыл. Непременно. Ах, и кучер уехал!..

Соня за сценой: "Бумага здесь! За подкладкой шляпы". Входит.

Граф. Ну, Соня, ты мастерица...

Соня разворачивает манифест. Входит Шиншин, здоровается.

Ну, mon cher, какие новости?..

Шиншин. К графу Растопчину привели какого-то немца и объявили, что это шампиньон! Но граф велел его отпустить, сказав народу, что это не шампиньон, а просто старый гриб-немец!

Граф. Хватают, хватают. Я графине и то говорю, чтобы поменьше говорила по-французски. Теперь не время.

Шиншин. А слышали? Князь Голицын русского учителя взял. По-русски учится. Il commence a devenir dangereux de parler francais dans les rues {Становится опасным говорить по-французски на улицах.}!

Граф. Ну, что ж, граф Петр Кириллыч, как ополчение-то собирать будут, и вам придется на коня?

Пьер (задумчиво). Да, да, на войну. Нет! Какой я воин! А впрочем, все так странно, так странно! Да я и сам не понимаю. Я не знаю, я так далек от военных вкусов, но в теперешние времена никто за себя отвечать не может.

Граф. Ну, Соня, ну...

Соня (читает). "Первопрестольной столице нашей Москве. Неприятель вошел с великими силами в пределы России. Он идет разорять любимое наше отечество. Мы не умедлим сами стать посреди народа своего в сей столице и в других государства нашего места для совещания и руководствования всеми нашими ополчениями, как ныне преграждающими пути врагу, так и вновь устроенными на поражение оною везде, где только появится. Да обратится погибель, в которую он мнит низринуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России!.."

Граф. Вот это так? Только скажи государь, мы всем пожертвуем и ничего не пожалеем!

Наташа. Что за прелесть этот папа! (Целует отца.)

Шиншин. Вот так патриотка!

Наташа. Совсем не патриотка, а просто... вам все смешно, а это совсем не шутка!..

Граф. Какие шутки! Только скажи он слово, мы все пойдем... Мы не немцы какие-нибудь.

Пьер. А заметили вы, что сказано "для совещания"?

Граф. Ну уж там для чего бы ни было.

Дверь открывается, и торжественно появляется Петя.

Петя. Ну, теперь, папенька, я решительно скажу, и маменька тоже, как хотите. Я решительно скажу, что вы пустите меня в военную службу, потому что я не могу... вот и все...

Графиня (всплеснув руками). Вот и договорился.

Граф. Ну, ну. Вот воин еще! Глупости ты оставь: учиться надо!

Петя. Это не глупости, папенька. Оболенский Федя моложе меня и тоже идет, а главное, все равно я ничему не могу учиться теперь, когда... когда отечество в опасности!

Граф. Полно, полно, глупости...

Петя. Да ведь вы сами сказали, что всем пожертвуем.

Граф. Петя! Я тебе говорю, замолчи!..

Графиня выходит взволнованная, за ней Соня.

Петя. А я вам говорю... Вот и Петр Кириллович скажет.

Граф. Я тебе говорю – вздор, еще молоко не обсохло, а в военную службу хочет! Ну, ну, я тебе говорю. (Пьеру и Шиншину.) Пойдемте покурить...

Пьер. Нет, я, кажется, домой пойду... Дела...

Граф. Ну так до свидания... (Уходит, спасаясь от Пети, в сопровождении Шиншина.)

Петя. Федя Оболенский... отечество в опасности. Оболенский Федя... (Уходит и начинает плакать.)

Наташа. Отчего вы уезжаете? Отчего вы расстроены? Отчего?

Чтец. "Оттого, что я тебя люблю!" – хотел он сказать, но он не сказал этого, до слез покраснел и опустил глаза.

Пьер. Оттого, что мне лучше реже бывать у вас... Оттого... нет, просто у меня дела...

Наташа. Отчего? Нет, скажите.

Пьер молча целует руку и уходит.

СЦЕНА VI

Слободской дворец. Толпа дворян в мундирах.

Моряк-либерал. Что ж, смоляне предложили ополченцев госуаю. Разве нам смоляне указ. Ежели буародное дворянство Московской губернии найдет нужным. оно может

Война и мир. Михаил Булгаков bulgakovmikhail.ru
выказать свою преданность государю императору другими средствами. Разве мы забыли ополчение в седьмом году! Только что нажились кутейники да воры-грабители. И что же, разве наши ополченцы составили пользу для государства? Никакой! Только раззорили наши хозяйства! Лучше еще набор, а то вернется к вам ни солдат, ни мужик, и только один разврат. Дворяне не жалеют своего живота, мы сами поголовно пойдем, возьмем еще рекрут, и всем нам только клич кликни госуай – мы все умрем за него!

Сенатор (шамкая). Я полагаю, милостивый государь, что мы призваны сюда не для того, чтобы обсуждать, что удобнее для государства в настоящую минуту – набор или ополчение. Мы призваны для того, чтобы отвечать на то воззвание, которым нас удостоил государь император. А судить о том, что удобнее – набор или ополчение, мы представим судить высшей власти!

Пьер. Извините меня, ваше превосходительство, хотя я не согласен с господином... *que je n'ai pas l'honneur de connaître* {которого я не имею чести знать.}, но я полагаю, что, прежде чем обсуждать эти вопросы, мы должны спросить у государя, почтительнейше просить его величество коммуницировать нам, сколько у нас войска, в каком положении находятся наши войска и армии, и тогда...

Степан Степанович Апраксин (в мундире). Во-первых, доложу вам, что мы не имеем права спрашивать об этом государя, а во-вторых, ежели бы было такое право у российского дворянства, то государь не может нам ответить! Войска движутся сообразно с движениями неприятеля...

Нехороший игрок. Да и не время рассуждать, а нужно действовать: война в России! Враг наш идет, чтобы погубить Россию, чтобы поругать могилы наших отцов, чтобы увести жен, детей! Мы – русские и не пожалеем своей крови для защиты веры, престола и отечества. А бредни надо оставить. Мы покажем, как Россия восстает за Россию!

Крики: "Вот это так! Это так!"

Пьер. *Mon tres honorable preopinant...* {Мой много уважаемый оппонент.}

Глинка. Ад должно отражать адом. Я видел ребенка, улыбающегося при блеске молнии и при раскатах грома, но мы не будем этим ребенком.

Апраксин. Да, да, при раскатах грома.

Граф. Вот это так!

Игрок. При раскатах грома!

Пьер. Я сказал только, что нам удобнее было бы...

Апраксин. Москва будет искупительницей!..

Глинка. Он враг человечества.

Пьер. Позвольте мне говорить!..

Апраксин. Враг человечества!

Пьер. Господа! Вы меня давите!!

Вдруг тишина.

Растопчин. Государь император будет сейчас. Я полагаю, что в том положении, в котором мы находимся, судить много нечего. Государь удостоил собрать нас и купечество. Оттуда полются миллионы, а наше дело выставить ополченцев и не щадить себя. Это меньшее, что мы можем сделать... (Проходит.)

Сенатор. Подобно смолянам по десять человек с тысячи и полное обмундирование...

Апраксин. И я того же мнения.

Игрок. Согласен!

Голоса. Согласны!

Голос. Государь, государь!

Тишина.

Александр (войдя). Господа... Государство в опасности, и надежды я возлагаю на московское дворянство...

Апраксин. Государь! Государь! Только что состоялось постановление дворянства. Жертвуем по десять человек с тысячи и обмундирование!..

Александр. Господа, никогда я не сомневался в усердии русского дворянства. Но в этот день оно превзошло мои ожидания. Благодарю вас от лица отечества! Господа – будем действовать, время всего дороже!..

Крики: "Государь! Государь!"

Александр проходит в соседний зал.

Граф. Да всего дороже... царское слово!..

Гул.

Апраксин. Граф Мамонов жертвует полк!

Крики из зала купечества. Выходит Александр, плача, а с ним рядом идут

Растопчин, Откупщик и Голова.

Откупщик (плача). И жизнь и имущество возьми, ваше величество!

Все устремляются вслед за уходящим Александром.

Пьер (Ростопчину). Я отдаю тысячу человек, и их содержание!

Граф (один, плачет). Всего дороже... Всего дороже.

Дверь открывается, появляется Петя. Воротнички на нем размокли, платье разорвано, бледен, в руках бисквит.

(Глянув на Петю, всплескивает руками.) Господи! Откуда ты?

Петя. Я был в Кремле... хотел сказать государю, что молодость не может быть препятствием для преданности... но толпа, папенька... неожиданно получил такой удар по ребрам, что в глазах все помутилось...

Граф. Да ведь эдак до смерти раздавить можно!.. Как скатерть белый стал!.. (Вопросительно смотрит на бисквит.)

Петя. Государь стал кидать бисквиты с балкона.

Молчание.

Решительно и твердо объявляю, что ежели меня не пустят – убегу. (Крестится.) Убегу!

Граф. Сам... сам поеду... сам тебя запишу!..

Темно

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ II

СЦЕНА VII

Курган. Будет гроза. На кургане на складном стуле сидит Наполеон. Одна нога его на барабане. Перед Наполеоном неподвижно Паж на коленях. Наполеон, положив на его плечо подзорную трубу, смотрит вдаль. Слышна очень далекая музыка (под курганом идут несметные полки) и время от времени далекий вой тысяч людей: "Vive

L'Empereur!.." {Да здравствует император!}

На холме более нет никого. На курган поднимается маршал Бертье.

Наполеон (опустив трубу). Eh bien? {ну?}

Бертье. Un cosaque de Platow... {Платовский казак.}

Чтец. ...говорит, что корпус Платова соединяется с большой армией, что Кутузов назначен главнокомандующим.

Бертье. Tres intelligent et bavard {Очень умный и болтун.}.

Чтец. Наполеон велел привести казака к себе.

Бертье уходит.

Лаврушка, денщик Николая Ростова, напившись пьян и оставивший барина без обеда, был высечен накануне и отправлен в деревню за курами, где он увлекся мародерством и был взят в плен французами. Лаврушка был один из тех грубых, наглых лакеев, выдавших всякие виды, которые считают долгом все делать с подлостью и хитростью, которые готовы служить всякую службу своему барину и которые хитро угадывают барские дурные мысли, в особенности тщеславие и мелочность.

Попав в общество Наполеона, которого личность он очень хорошо и легко признал, Лаврушка несколько не смутился и только старался от всей души заслужить новым господам.

На курган поднимаются Бертье, Лелорм-Дидевиль и Лаврушка.

Наполеон (с акцентом). Вы казак?

Лаврушка. Казак-с, ваше благородие.

Чтец. Наполеон спросил его, как же думают русские, победят они Бонапарта или нет?

Наполеон делает жест.

Лелорм-Дидевиль (с акцентом). Вы... как думает... вы... молодой казак... Победят русски Бонапарт... Нет?

Лаврушка (помолчав). Оно значит: коль быть сраженью, и вскорости, то ваша возьмет. Это так точно. Ну а коли пройдет три дня, а после того самого числа, тогда значит, это самое сражение в оттяжку пойдет.

Лелорм-Дидевиль. Si la bataille est donnee avant trois jours, les Fransais la gagneraient, mais que si elle serait donnee plus tard, Dieu sait ce qui en arriverait {Ежели сражение произойдет прежде трех дней, то французы выиграют его, но ежели после трех дней, то Бог знает, что случится.}.

Чтец. Наполеон велел повторить себе эти слова.

Лелорм-Дидевиль (Лаврушке). Повторит.

Чтец. Лаврушка, чтобы развеселить Наполеона, сказал, притворяясь, что не знает, кто он...

Лаврушка. В оттяжку, говорю, сражение пойдет, ваше благородие... Знаем, у вас есть Бонапарт, он всех в мире побил, ну да об нас другая статья...

Чтец. Переводчик передал эти слова Наполеону без окончания, и Бонапарт улыбнулся.

Бертье (Дидевиллю). Le jeune cosaque fit sourire son puissant interlocuteur {Молодой казак заставил улыбнуться своего могущественного собеседника.}.

Лелорм-Дидевиль. Oui {Да.}.

Чтец. Наполеон сказал, что он хочет испытать действие, которое произведет sur cet enfant du Don, известие о том, что тот человек, с которым говорит этот enfant du Don (то есть дитя Дона), и есть тот самый император, который написал на пирамидах бессмертно-победоносное имя.

Лелорм-Дидевиль (Лаврушке). Казак! Этот человек самый император, который писал пирамидах бессмертно.

Чтец. Лаврушка, чтобы угодить новым господам, тотчас же притворился изумленным, ошеломленным и сделал такое же лицо, которое ему привычно было, когда его водили сечь. Наполеон, наградив казака, приказал дать ему свободу, как птице, которую возвращают ее родным полям.

Наполеон. ...donner la liberte, comme a oiseau qu'on rend aux champs, qui l'ont vu naître! {...дать ему свободу, как птице, которую возвращают ее родным полям!}

Бертье дает Лаврушке деньги.

Лаврушка. Покорнейше благодарю, ваше сиятельство!

Лелорм-Дидевиль. Император дает свободу вам, казак! Вы как птица родные поля!

Грозовое потемнение. Гремит. Наполеон, Бертье, Лелорм-Дидевиль и Паж

закутываются в плащи и покидают холм.

Лаврушка (один). Анфан дю Дон!

Темно.

СЦЕНА VIII

Лето. Терраса с колоннами в имении князя Болконского. На террасе в кресле полураздетый князь Николай Андреевич.

Болконский (страдальчески). Ну, наконец все переделал, теперь отдохну. Ох, как тяжело! Ох, хоть бы поскорее кончились эти труды, и вы бы отпустили меня! (Пауза.) Нет! Нет покоя, проклятые! Да, да, еще что-то важное было, очень что-то важное я приберег себе. Задвижки? Нет, про это сказал. Нет, что-то такое, что в гостиной было. Княжна Марья что-то врала. Десаль – этот дурак – говорил. О кармане что-то, не вспомню. Тишка! О чем за обедом говорили?

Тихон (появляясь). О князе Михаиле!

Болконский. Молчи! Молчи! (Пауза.) Да, знаю. Княжна Марья читала... Десаль что-то про Витебск говорил... французы разбиты, при какой это реке?... Дальше Немана никогда не проникнет неприятель. При ростепели снегов потонут в болотах Польши... (Становится беспокоен, ищет на столике, находит письмо, читает, меняется в лице, начинает понимать.) Что?... французы в Витебске, через четыре перехода они могут быть в Смоленске?... Может быть, они уже там? Тишка! Тишка!..

Тихон подходит. Послышался стук кибиточки, перед террасой появляется Алпатыч в пыли. Дверь на террасу открывается, из дому беспокойно выходит княжна

Марья.

Что?

Алпатыч. Ваше... ваше сиятельство! Смоленск... Или уже пропали мы? (Подает Марье письмо.) От князя Андрея...

Болконский. Читай!..

Марья (читает). Смоленск сдают. Уезжайте сейчас же в Москву...

Молчание.

Алпатыч. Или уж пропали мы?

Болконский (подымаясь). Собрать из деревень ополчение, вооружить их! Главнокомандующему напишу, что остаюсь в Лысых Горах до последней крайности и защищаюсь! Княжну Марью с маленьким князем и Десалем отправить в Москву!

Марья. Я не поеду, топ реге {Батюшка.}.

Болконский. Что?! Измучила меня! Поссорила с сыном! Отравила жизнь! Вон! Не хочу знать о существовании, не смей попадаться мне на глаза!

Марья. Не поеду, батюшка, не оставлю вас одного.

Болконский. Тишка! Мундир мне с орденами, я еду к главнокомандующему!

Тихон убегает в дом.

Его рассмотрение – принять или не принять меры для защиты Лысых Гор, в которых будет взят в плен один из старейших русских генералов!..

Марья плачет. Тихон вносит мундир, надевает на Болконского. Болконский делает несколько шагов, но вдруг падает на руки Тихону и Алпатычу.

Марья. О, Боже! Дуняша! Дуняша! Доктора!

Дуняша вбегает.

Болконский (в кресле). Гаг... бо...

Марья. Душа болит? Душа?

Болконский. Душенька!.. Спасибо тебе, дочь... Дружок... За все, за все... Прости... Позовите Андрюшу! Где же он?..

Марья. Он в армии, топ реге, в Смоленске.

Болконский. Да. Погибла Россия. Погубили!.. (Умолкает.)

Марья зарыдала.

Дуняша. Княжна! Княжна!

Алпатыч. Воля Божья совершается...

Марья. Оставьте меня! Это неправда! Неправда!

Темно

СЦЕНА IX

Та же терраса.

Алпатыч. Ты, Дронушка, слушай! Ты мне пустого не говори. Его сиятельство князь Андрей Николаевич сами мне приказали, чтобы весь народ отправить и с неприятелем не оставаться, и царский на то приказ есть. А кто остается, тот царю изменник. Слышишь?

Дрон. Слушаю.

Алпатыч. Эй, Дрон, худо будет.

Дрон. Власть ваша. (Пауза.)

Послышался дальний гул орудий, а затем пьяные песни мужиков.

Яков Алпатыч! Уволь! Возьми от меня ключи, уволь, Христа ради!

Алпатыч. Оставь! Под тобой насквозь на три аршина вижу! Что вы это вздумали? А?

Дрон. Что мне с народом делать? Взбуровило совсем.

Алпатыч. Пьют?

Дрон. Весь взбуровился, Яков Алпатыч. Другую бочку привезли.

Алпатыч. Чтобы подводы были! (Уходит в дом.)

Дрон уходит. Пауза. Затем выходят к террасе двое длинных мужиков. Пьяны. Послышался топот лошадей. Слышно, как за сценой слезают. Входят Николай

Ростов, Ильин и Лаврушка.

Ильин. Ты вперед взял!

Ростов. Да, все вперед, и на лугу вперед, и тут.

Лаврушка. А я на французской, ваше сиятельство. Перегнал бы, да только срамить не хотелось.

Входят мужики.

Ростов (глядя на пьяных). Молодцы! Что, сено есть?

Ильин. И одинакие какие!

Длинные и мужик. Развесе...о...оо...олая бе... се... бе... е...се...

Один мужик. Вы из каких будете?

Ильин. Французы. (Указывая на Лаврушку.) Вот и Наполеон сам.

Один мужик. Стало быть, русские будете?

Небольшой мужик. А много вашей силы тут?

Ростов. Много, много. Да вы что ж собрались тут? Праздник, что ли?

Небольшой мужик. Старички собрались по мирскому делу.

Дуняша выходит из дома на террасу.

Ильин. В розовом. Моя. Чур, не отбивать!

Лаврушка. Наша будет.

Дуняша. Княжна приказала спросить, какого вы полка и как ваша фамилия?

Ильин. Это – граф Ростов, эскадронный командир, а я ваш покорный слуга.

Длинный мужик. Бе...се...душ...ка...

Дуняша скрывается в доме. Там послышались голоса. Выходит Алпатыч.

Алпатыч. Осмелюсь беспокоить, ваше благородие. Моя госпожа, дочь скончавшегося генерал-аншефа князя Николая Андреевича Болконского, находясь в затруднении по

Война и мир. Михаил Булгаков bulgakovmikhail.ru
случаю невежества этих лиц... просит вас пожаловать...

Длинный мужик. А! Алпатыч... А, Яков Алпатыч... Важно... Прости, ради Христа...
Важно... А?

Ростов улыбается.

Алпатыч. Или, может, это утешает ваше сиятельство?

Ростов (но террасе). Нет, тут утешенья мало. В чем дело?

Алпатыч (шепотом). Осмелюсь доложить вашему сиятельству, что грубый народ
здешний не желает выпустить госпожу из имения и угрожает отпрячь лошадей, так
что с утра все уложено, и ее сиятельство не может выехать.

Ростов. Не может быть!

Алпатыч. Имею честь докладывать вам сущую правду.

Дверь на террасу отворяется, и Дуняша выпускает княжну Марью. Та в трауре.

Дуняша. Батюшка. Бог тебя послал!

Ростов. Княжна...

Марья. Это случилось на другой день после похорон отца... Но не примите мои
слова за желание разжалобить вас...

Ростов. Не могу выразить, княжна, как я счастлив тем, что я случайно заехал сюда
и буду в состоянии показать вам свою готовность. Извольте ехать, и я отвечаю вам
своей честью, что ни один человек не посмеет сделать вам неприятность...

Марья. Я очень благодарна вам, но надеюсь, что все это было только
недоразумением и что никто не виноват в этом. (Заплакала.) Извините меня.
(Уходит в сопровождении Дуняши в дом.)

Ростов (на террасе, один). Беззащитная, убитая горем девушка... И какая странная
судьба натолкнула меня сюда... И какая кротость, благородство в ее чертах...

Ильин. Ну что, мила? Нет, брат, в розовом моя прелесть...

Ростов. Я им покажу, я им задам, разбойникам!..

Алпатыч. Какое решение изволили принять?

Ростов. Решенье? Какое решенье? Старый хрыч! Ты чего смотрел? А? Мужики бунтуют,
а ты не умеешь справиться? Ты сам изменник! Знаю я вас, шкуру спущу со всех!

Алпатыч. Мужики в закоснелости, неблагоприятно противоборствовать им, не имея
военной команды...

Ростов. Я им дам воинскую команду... Я их попротивоборствую!.. Эй! Кто у вас
староста тут?

Карп. Староста-то? На что вам?

Ростов (дав в ухо Карпу). Шапки долой, изменники! Где староста?

Один мужик. Старосту, старосту кличет. Дрон Захарыч, вас...

Карп. Нам бунтовать нельзя... Мы порядки блюдем...

Небольшой мужик. Как старички порешили, много вас, начальства!

Ростов. Разговаривать? Бунт! Изменники! Вяжи его!

Ильин. Вяжи его!

Война и мир. Михаил Булгаков bulgakovmikhail.ru
Лаврушка (схватив Карпа). Прикажете наших изпод горы кликнуть?

Ростов. Староста где?

Дрон выходит из толпы. Послышались пушечные удары поближе.

Ты староста? Вязать, Лаврушка!

Алпатыч. Эй, ребята!

Один мужик и Небольшой мужик распоясываются и начинают вязать Дрона.

Ростов. Слушайте меня! Чтобы голоса вашего я не слышал!

Толпа мужиков отступает.

Один мужик. Что ж, мы никакой обиды не сделали...

Небольшой мужик. Мы только, значит, по глупости...

Алпатыч. Вот я же вам говорил. Нехорошо, ребята!

Связанного Дрона и Карпа уводят.

Длинный мужик (Карпу). Эх, посмотрю я на тебя! Разве можно так с господами говорить? Дурак, право, дурак!..

Ростов идет на террасу. Княжна Марья выходит.

Марья. Благодарю вас за спасенье, граф.

Ростов. Как вам не совестно, княжна. Каждый становой сделал бы то же. Я счастлив только, что имел случай познакомиться с вами. Прощайте, княжна, желаю вам счастья. Ежели вы не хотите заставить краснеть меня, пожалуйста, не благодарите. (Целует руку.)

Ильин поднимается на террасу, целует княжне Марье руку. Ростов, Ильин и Лаврушка удаляются. Послышался топот.

Марья (одна на террасе). И надо было ему приехать в Богучарово и в эту самую минуту. И надо было его сестре отказать князю Андрею... (Уходит в дом.)

Алпатыч. Эй, ребята! (Указывает на дом.)

Толпа мужиков поднимается на террасу. Двери раскрываются, и мужики начинают выносить библиотечные шкафы и другие вещи.

Один мужик. Ты не цепляй! Не цепляй!

Небольшой мужик. А грузно, ребята, книги здоровые!

Круглолицый мужик. Да писали - не гуляли!

Пушечный гул.

Темно

СЦЕНА X

Ночь перед Бородинским боем. Сарай, фонарь.

Князь Андрей лежит.

Чтец. Приказания на завтрашнее сражение были отданы и получены им. Делать ему было больше нечего. Но мысли, самые простые, ясные и потому страшные мысли не оставляли его в покое. Он знал, что завтрашнее сражение должно было быть самое

страшное изо всех тех, в которых он участвовал, и возможность смерти в первый раз в его жизни с живостью, почти с достоверностью, просто и ужасно представилась ему.

Андрей. Да, да, вот они, те волновавшие и восхищавшие и мучившие меня ложные образы. Слава, общественное благо, любовь к женщине, самое отечество, – как велики казались мне эти картины, какого глубокого смысла казались они исполненными. И все это так просто, бледно и грубо при свете того утра, которое, я чувствую, поднимается для меня! Любовь! Эта девочка, мне казавшаяся преисполненною таинственных сил. Как же? я любил ее, я делал поэтические планы о счастья с нею. О милый мальчик! Как же я верил в какую-то идеальную любовь, которая должна была мне сохранить ее верность за целый год моего отсутствия. А все это гораздо проще. Все это ужасно просто, гадко!

Отечество? Погибель Москвы? А завтра меня убьют – и не француз даже, а свой, как вчера разрядил солдат ружье около моего уха, и возьмут меня за ноги и за голову и швырнут в яму, и сложатся новые условия жизни, которые будут также привычны для других, и я не буду знать про них, и меня не будет!

Чтец. Он живо представил себе отсутствие себя в этой жизни. И эти березы с их светом и тенью, и дым костров – все это вокруг преобразилось для него и показалось чем-то страшным и угрожающим. Мороз пробежал по его спине.

Пьер за сценой: "Que diable!" {Черт возьми!} (ударился).

Андрей. Кто там?

Пьер входит с фонарем.

А, вот как! Какими судьбами? Вот не ждал.

Пьер. Я приехал... так... знаете... мне интересно... я хотел видеть сражение...

Андрей. Да, да, а братья-масоны что говорят о войне? Как предотвратить ее? Ну, что Москва? Что мои? Приехали ли наконец в Москву?

Пьер. Приехали.

Пауза.

Так вы думаете, что завтрашнее сражение будет выиграно?

Андрей. Да, да... Одно, что бы я сделал, ежели бы имел власть, я не брал бы пленных! Это рыцарство. Французы разорили мой дом и идут разорить Москву. Они враги мои. Они преступники все по моим понятиям. Надо их казнить!

Пьер. Да, да, я совершенно согласен с вами.

Андрей. Сойдутся завтра, перебьют десятки тысяч людей, а потом будут служить благодарственные молебны. Как Бог оттуда смотрит и слушает их! Ах, душа моя, последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много. А не годится человеку вкушать от древа познания добра и зла. Ну да ненадолго. Однако поезжай в Горки, перед сражением нужно выспаться, и мне пора. Прощай, ступай. Увидимся ли, нет... (Целует Пьера, и тот выходит.)

Чтец. Он закрыл глаза. Наташа с оживленным взволнованным лицом рассказывала ему, как она в прошлое лето, ходя за грибами, заблудилась в большом лесу. Она несвязно описывала ему и глушь леса, и свои чувства, и разговоры с пчельником...

Андрей. Я понимал ее. Эту искренность, эту открытость душевную и любил в ней... А ему – Курагину – ничего этого не нужно было! Он ничего этого не видел! Он видел свеженькую девочку. И до сих пор он жив и весел?! (Вскакивает.)

Темно

СЦЕНА XI

Непрерывный пушечный грохот. Тянет дымом. Курган. Большая икона Смоленской Божьей Матери, перед ней огни. Лавка, накрытая ковром, на лавке Кутузов,

дремлет от усталости и старческой слабости.

Возле Кутузова свита.

Адъютант (входя и выпячиваясь перед Кутузовым). Занятые французами флешы опять отбиты. Князь Багратион ранен.

Кутузов. Ах, ах... (Адъютанту.) Поезжай к князю Петру Петровичу и подробно узнай, что и как...

Адъютант выходит.

(Принцу Виртембергскому.) Не угодно ли вашему высочеству принять командование 1-й армией?

Принц Виртембергский выходит.

Другой адъютант. Принц Виртембергский просит войск.

Кутузов (поморщившись). Дохтурову приказание принять командование 1-й армией, а принца, не могу без него обойтись в эти важные минуты, проси вернуться ко мне.

Другой адъютант выходит.

Еще адъютант (вбегает). Мюрат взят в плен!

Свита. Поздравляем, ваша светлость!

Кутузов. Подождите, господа. Сражение выиграно, и в пленении Мюрата нет ничего необыкновенного. Но лучше подождать радоваться. Поезжай по войскам с этим известием.

Щербинин вбегает. Лицо расстроено. Кутузов делает жест.

Щербинин (тихо). Французы Семеновское взяли.

Кутузов (кряхтя встает. Отводит Ермолова в сторону). Съезди, голубчик, посмотри, нельзя ли что сделать. (Садится, дремлет.)

Ермолов выходит. Повар и Денщик подают Кутузову обедать. Он жует курицу.

Вольцоген (входит, говорит с акцентом). Все пункты нашей позиции в руках неприятеля, и отбить нечем, потому что войск нет; они бегут, и нет возможности остановить их. (Пауза.) Я не считал себя вправе скрыть от вашей светлости того, что я видел... Войска в полном расстройстве...

Кутузов (встав). Вы видели? Вы видели? Как вы... Как вы смеете! Как смеете вы, милостивый государь, говорить это мне? Вы ничего не знаете. Передайте от меня генералу Барклаю, что его сведения несправедливы, а что настоящий ход сражения известен мне, главнокомандующему, лучше, чем ему!

Вольцоген хочет возразить.

Неприятель отбит на левом и поражен на правом фланге. Ежели вы плохо видели, милостивый государь, то не позволяйте себе говорить того, чего вы не знаете. Извольте ехать к генералу Барклаю и передать ему на завтра мое неперемное намерение атаковать неприятеля. (Пауза.) Отбиты везде, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Неприятель побежден, и завтра погоним его из священной земли русской! (Крестится, всхлипывает.)

Все молчат.

Вольцоген (отходит, ворча). ...uber diese Eingenommenheit des alien Herrn... {на это самодурство старого господина... (нем.)}

Раевский входит.

Кутузов. Да, вот он, мой герой! Ну?..

Раевский. Войска твердо стоят на своих местах, французы не смеют атаковать более.

Кутузов. Vous ne pensez donc pas comme les autres, que nous sommes obligés de nous retirer? {Вы, стало быть, не думаете, как другие, что мы должны отступить?}

Раевский. Au contraire, vorte a l'essence! {Напротив, ваша светлость!}

Кутузов. Кайсаров! Садись, пиши приказ на завтрашний день. (Неизвестному адъютанту.) А ты поезжай по линии и объяви, что завтра мы атакуем!

Темно

Чтец. И по непреодолимой таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называемое духом армии и составляющее главный нерв войны, слова Кутузова, его приказ к сражению на завтрашний день передались одновременно во все концы войска.

СЦЕНА XII

Чтец. В этот день ужасный вид поля сражения победил ту душевную силу, в которой он полагал свою заслугу и величие. Желтый, опухлый, тяжелый, с мутными глазами, красным носом и охриплым голосом, он сидел, не поднимая глаз.

Курган. Пушечный грохот. Наполеон один. Большой портрет мальчика – короля

Рима.

В медленно расходившемся пороховом дыму в лужах крови лежали лошади и люди. Такого количества убитых на таком малом пространстве никогда не видал еще Наполеон!

Он с болезненной тоской ожидал конца того дня, которому он считал себя причастным, но которого он не мог остановить. Личное человеческое чувство на короткое мгновение взяло верх над тем искусственным призраком жизни, которому он служил так долго. Он на себя переносил те страдания и ту смерть, которые он видел на поле сражения. Тяжесть головы и груди напоминала ему о возможности и для себя страданий и смерти. Он в эту минуту не хотел для себя ни Москвы, ни победы, ни славы (какой нужно было ему еще славы!). Одно, чего он желал теперь, – отдыха, спокойствия и свободы.

Адъютант, истомленный, входит на курган.

– Наш огонь рядами вырывает их, а они стоят, – сказал адъютант.

Наполеон. Us en veulent encore? {Им еще хочется?}

Адъютант. Sire? {Государь?}

Наполеон. Us en veulent encore, donnez leur-en! {Еще хочется, ну и задайте им!}

Адъютант уходит.

Чтец. – Им еще хочется, – сказал Наполеон, – ну, дайте им еще! И без его приказа делалось то, чего он хотел, и он распорядился только потому, что думал, что от него ждали приказа. И он опять покорно стал исполнять ту печальную нечеловеческую роль, которая ему была предназначена.

Темно

СЦЕНА XIII

Перевязочная палатка. Гул орудий несколько слабее. Но кроме него слышен

непрерывный жалобный стон, и крики людей, и карканье воронья. Раненый солдат лежит, ждет очереди. Черноволосый унтер-офицер с завязанной

головой и рукой стоит подле него и возбужденно рассказывает.

Черноволосый унтер-офицер. Мы его отсюда как долбанули, так все побросал, самого короля забрали. Подойди только в тот самый раз лезервы, его б, братец ты мой, звания не осталось, потому верно тебе говорю.

Из внутреннего отделения палатки фельдшера выносят перевязанного князя

Андрея и кладут его на скамейку.

Раненый солдат. Видно, и на том свете господам одним жить!

Доктор (фельдшерам). Взять, раздеть!

фельдшера уносят раненого солдата. Доктор брызжет в лицо Андрею водой. Тот приходит в себя. Тогда доктор молча целует его в губы и выходит туда, куда

унесли раненого солдата.

Черноволосый унтер-офицер (возбужденно). Подойди только лезервы. Подойди только лезервы! (Уходит.)

фельдшера выносят смертельно раненного Анатоля Курагина, кладут. Тот без сознания.

Андрей (смотрит на Анатоля, говорит слабо). Вьющиеся волосы, их цвет мне странно знакомы. Кто этот человек? Кто этот человек? Он – Курагин! А, вот чем он так близко и тяжело связан со мною? В чем связь этого человека с моею женою? Наташа! С тонкой шеей, руками, с готовым на восторг испуганным, счастливым лицом. Наташа! Я вспомнил все. Я желал встретить этого человека, которого презирал, для того чтобы убить его или дать ему случай убить меня! (Плачет.) Люди, люди, и их и мои заблуждения!..

Доктор (быстро выходит с фельдшерами, подходит к Анатолю, всматривается, целует его в губы). Что стоите? Выносите мертвого.

Темно

СЦЕНА XIV

Чтец. Несколько десятков тысяч человек лежало мертвыми в разных положениях и мундирах на полях и лугах, на которых сотни лет собирали урожаи и пасли скот крестьяне деревни Бородина.

Ночь. Курган и поле, покрытое телами. На курган выходит Пьер с фонарем.

Пьер. Одно, чего я желаю всеми силами своей души, это чтобы вернуться к обычным условиям жизни и заснуть спокойно в комнате на своей постели. Только в обычных условиях я буду в состоянии понять самого себя и все то, что я видел и испытал. Но этих обычных условий нигде нет! Но они ужаснутся, ужаснутся того что они сделали! (Возбужденно.) L'Russes Besuhof! Я убью Наполеона! (Садится на землю и затихает у фонаря.)

Появляется Солдат с котелком. Пауза.

Солдат с котелком. Эй! Ты из каких будешь?

Пьер. я? я? (Пауза.) Я по-настоящему ополченный офицер, только моей дружины тут нет; я приезжал на сражение и потерял своих.

Солдат с котелком. Вишь ты! Что ж, поешь, коли хочешь кавардачку. (Садится, подает котелок.)

Пьер жадно ест. Тебе куды надо-то? Ты скажи.

Пьер. Мне в Можайск.

Солдат с котелком. Ты, стало, барин?

Пьер. Да.

Солдат с котелком. А как звать?

Пьер. Петр Кириллович.

Пауза. Послышался топот, потом шаги. Выходит Берейтор.

Берейтор. Ваше сиятельство, а уж мы отчаились.

Пьер. Ах, да...

Солдат с котелком. Ну что, нашел своих? Ну, прощай! Петр Кириллович, кажись?

Пьер. Прощай. (Взявшись за карман.) Надо дать ему?..

Чтец. Нет, не надо.

Темно

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ III

СЦЕНА XV

Последний августовский день. В доме Ростовых. Все двери растворены, вся мебель переставлена, зеркала, картины сняты. Сундуки, сено, бумага, веревки.

Слышны голоса во дворе – люди укладывают вещи на подводы.

В передней робко показывается бледный раненый офицер.

Мавра Кузьминишна. Что ж, у вас, значит, никого нет в Москве? Вам бы покойнее где на квартире.

Наташа появляется в зале, слышит эту фразу.

Вот хоть бы к нам. Господа уезжают.

Бледный офицер. Не знаю, позволят ли. Вон начальник. Спросите.

Наташа (выходит в переднюю, говорит в открытое окно). Можно раненым у нас остановиться?

Майор (входит в переднюю). Кого вам угодно, мамзель? (Подумав.) О да, отчего ж, можно. (Выходит.)

Бледный офицер также.

Наташа (Мавре Кузьминишне). Можно, он сказал, можно.

Мавра Кузьминишна. Надо все-таки папаше доложить.

Наташа. Ничего, ничего, разве не все равно! На один день в гостиную перейдем. Можно всю нашу половину им отдать.

Мавра Кузьминишна. Ну, уж вы, барышня, придумаете. Да хоть и во флигеля, и то спросить надо. (Идет.)

Наташа. Ну, я спрошу. (В диванную.) Вы спите, мама?

Графиня. Ах, какой сон!..

Наташа. Мама, голубчик! Виновата, простите. Никогда не буду; я вас разбудила. Меня Мавра Кузьминишна послала, тут раненых привезли, офицеров. Позволите? А им некуда деваться; я знаю, что вы позволите.

Графиня. Какие офицеры? Кого привезли? Ничего не понимаю.

Наташа. Я знала, что вы позволите... Так я и скажу. (Убегает из диванной, говорит Мавре Кузьминишне.) Можно!

Мавра Кузьминишна (в окно, в передней). В холостую, к нянюшке! Пожалуйте! (Уходит.)

Граф (выходит из передней). Досиделись мы. И клуб закрыт, и полиция выходит.

Наташа. Папа, ничего, что я раненых пригласила в дом?

Граф. Разумеется, ничего. Не в том дело, а теперь прошу, чтоб пустяками не заниматься, а укладывать и ехать, ехать. Васильич! Васильич! (Уходит.)

Появляются Соня, Васильич, Буфетчик, начинается суета.

Васильич. Надо бы третий ящик... Наташа. Соня, постой, да мы все так уложим. Васильич. Нельзя, барышня, уж пробовали. Наташа. Нет, постой, пожалуйста! Васильич. Да еще и ковры-то, дай Бог... Наташа. Да постой ты, пожалуйста!.. (Вынимает ящика тарелки.) Это не надо!..

Соня. Да оставь, Наташа! Ну, полно, мы уложим. Васильич. Эх, барышня!..

Входит Слуга, начинает помогать.

Соня. Да полно, Наташа! Я вижу, ты права, вынь один верхний!

Наташа. Не хочу! Петька! Петька!

Вбегает Петя в военной форме.

Да жми же, Петька!

Петя (садясь на крышку ящика). Жму!.. Ну!.. Жму!..

Наташа. Васильич! Нажимай!

Крышка ящика закрывается. У Наташи брызнули слезы из глаз. Буфетчик, Слуга, Петя и Наташа уходят с вещами, Васильич также. Дверь из передней открывается

и входит Почтенный камердинер с Маврой Кузьминишной.

Мавра Кузьминишна. К нам пожалуйста, к нам. Господа уезжают, весь дом пустой.

Почтенный камердинер. Да что, и довести не чаем. У нас и свой дом в Москве, да далеко...

Мавра Кузьминишна. К нам милости просим... А что, очень нездоровы?

Почтенный камердинер. Не чаем довести. (В окно.) Заворачивай во двор... Во двор!

Выходит, за ним Мавра Кузьминишна. Соня смотрит в окно, потом убегает.

Граф (входит). Васильич!

Входит Васильич. Ну что, все готово?

Васильич. Хоть сейчас ехать, ваше сиятельство.

Граф. Ну и славно, и с Богом!

Васильич выходит.

Бледный офицер появляется в сопровождении Денщика.

Бледный офицер. Граф, сделайте одолжение... позвольте мне... Ради Бога... где-нибудь приютиться на ваших подводах. Здесь у меня ничего с собой нет... Мне на возу, все равно...

Денщик. Ваше сиятельство!..

Граф. Ах, да, да... Я очень рад... Васильич! Васильич!

Входит Васильич.

Ты распорядись. Ну там очистить одну или две телеги... Ну там... что же, что нужно...

Майор (входит). Граф!

Граф. Ах, да... Вы, господа... Я очень рад... Да... Да... Васильич!

Васильич. Пожалуйста уж, ваше сиятельство, сами. Как же прикажете насчет картин?

Граф. Ну что же, можно сложить что-нибудь... (Уходит с Васильичем, Бледным офицером, Майором и Денщиком.)

Через некоторое время вбегает Матрена Тимофеевна и бросается в диванную.

Матрена Тимофеевна (Графине). Ваше сиятельство!

Графиня. А? Что? А?..

Матрена Тимофеевна. Марья Карловна очень обижены...

Графиня. Почему m-me Schoss обижена?

Матрена Тимофеевна. А ее сундук сняли с подводы!

Графиня. Что?..

Матрена Тимофеевна. А то, ваше сиятельство, что подводы развязывают! Добро снимают... Набирают с собой раненых... Граф, по простоте, приказали забрать. А барышнинным летним платьям нельзя здесь оставаться...

Графиня. Граф, граф...

Матрена Тимофеевна. Одною минуточку... (Убегает.)

Через некоторое время входит в диванную Граф, а Наташа, шмыгнув за ним, подслушивает, что происходит в диванной.

Графиня. Что это, мой друг, вещи снимают?

Граф. Знаешь, ma chere, я вот что хотел тебе сказать... ma chere, графинюшка... Ко мне приходил офицер... Просят, чтоб дать несколько подвод под раненых. Ведь это все дело наживное; а каково им остаться, подумай? Знаешь, думаю, право, ma chere, вот, ma chere... пускай их свезут...

Графиня. Послушай, граф, ты довел до того, что за дом ничего не дают, а теперь и все детское состояние погубить хочешь. Я, мой друг, не согласна! Воля твоя. На раненых есть правительство! Посмотри, вон напротив у Лопухиных еще третьего дня все дочиста вывезли. Вот как люди делают! Одни мы дураки. Пожалей хоть не меня, так детей.

Наташа (как буря). Это гадость! Это мерзость! Это не может быть, чтобы вы

Война и мир. Михаил Булгаков bulgakovmikhail.ru
приказали так! Маменька, это нельзя! Посмотрите, что на дворе. Они остаются!

Графиня. Что с тобой? Кто они? Что тебе надо?

Наташа. Раненые, вот кто! Это нельзя, маменька. Это ни на что не похоже!
Маменька, это не может быть!

Графиня. Ах, делайте, как хотите! Разве я мешаю кому-нибудь?

Наташа. Маменька, голубушка, простите меня!

Графиня. Mon chere, ты распорядись, как надо... Я ведь не знаю этого...

Граф (плача). Яйца, яйца курицу учат.

Наташа. Папенька, маменька, можно распорядиться? Можно? (Убегая.) Отдавать все подводы под раненых, а сундуки сносить в кладовые.

Граф уходит.

Выходят Соня, одетая в дорогу, и Горничная.

Соня. Это чья же коляска-то?

Горничная. А вы разве не знали, барышня? Князь раненый. Тоже с нами едут.

Соня. Да кто это? Как фамилия?

Горничная. Самый наш жених бывший. Князь Болконский. Говорят, при смерти.

Соня (вбегая в диванную). Мама, князь Андрей здесь, раненый, при смерти. Он едет с нами.

Графиня (в ужасе). Наташа?..

Соня. Наташа не знает еще, но он едет с нами.

Графиня. Ты говоришь, при смерти? (Плачет.) Пути Господни неисповедимы.

Наташа (появляется, одетая в дорогу). Ну, мама, все готово. О чем вы?

Графиня. Ни о чем. Готово, так поедем.

Наташа (Соне). Что ты? Что такое случилось?

Соня. Ничего нет.

Наташа. Очень дурное для меня? Что такое?

Входят Граф, Петя, Мавра Кузьмнишна, Васильич. Садятся, потом крестятся.
Обнимают Васильича и Мавру Кузьминишну и выходят.

Дом Ростовых опустел.

Темно

СЦЕНА XVI

Чтец. ...Дорогой Пьер узнал про смерть своего шурина и про смерть князя Андрея. Когда он приехал с Бородинского поля в Москву домой, уже смеркалось. Человек восемь разных людей побывало у него в этот вечер. У всех были дела до Пьера, которые он должен был разрешить. Пьер ничего не понимал, не интересовался этими делами и давал на все вопросы только такие ответы, которые бы освободили его от этих людей. Наконец, оставшись один, он распечатал и прочел письмо жены, в котором она извещала его о своем намерении выйти замуж за п.п. и что она просит его исполнить все необходимые для развода формальности. "Они - солдаты на батарее, князь Андрей убит... Страдать надо... жена идет замуж... Забыть и понять надо..." И он, подойдя к постели, не раздеваясь, повалился на нее и

тотчас же уснул. На другой день утром Пьер поспешно оделся и, вместо того чтобы идти к тем, которые ожидали его, пошел на заднее крыльцо и оттуда вышел в ворота.

С тех пор и до конца московского разорения никто из домашних Безуховых, несмотря на все поиски, не видал больше Пьера и не знал, где он находился...

В квартире покойного Иосифа Алексеевича Баздеева.

Пьер (в дверях). Дома?

Герасим. По обстоятельствам нынешним, Софья Даниловна с детьми уехали в Торжковскую деревню, ваше сиятельство.

Пьер. Я все-таки войду, мне надо книги разобрать.

Герасим. Пожалуйте, милости просим. Братец покойника – царство небесное – Макар Алексеевич остались, да как изволите знать, они в слабости...

Пьер. Да, да, знаю, знаю.

Макар Алексеевич заглядывает в дверь, бормочет и уходит.

Герасим. Большого ума были, а теперь, как изволите видеть, ослабли. (Открывает ставень.) Софья Даниловна приказывали, ежели от вас придут, то отпустить книги. (Выходит.)

Пьер (вынимает рукописи, задумывается). Я должен встретить Наполеона и убить его с тем, чтобы или погибнуть или прекратить несчастье всей Европы, происходящее от одного Наполеона. Да, один за всех, я должен совершить или погибнуть. Да, я подойду... и потом вдруг... Пистолетом или кинжалом? Впрочем, все равно. Не я, а рука провидения казнит тебя, скажу я. Ну что ж, берите, казните меня. (Задумывается.)

Герасим в дверях кашлянул.

(Очнувшись.) Ах да... Послушай. Я прошу тебя никому не говорить, кто я. И сделай, что я скажу.

Герасим. Слушаю-с. Кушать прикажете?

Пьер. Нет, но мне другое нужно. Мне нужно крестьянское платье и пистолет.

Герасим (подумав). Слушаю-с. (Выходит и через некоторое время возвращается с кафтаном, шапкой, пистолетом и кинжалом, помогает Пьеру переодеться, выходит.)

Макар Алексеевич (войдя). Они оробели. Я говорю: не сдамся, я говорю... так ли, господин? (Внезапно схватывает со стола пистолет.)

Пьер. А!

Герасим вбегает, начинает отнимать пистолет.

Макар Алексеевич. К оружию! На abordаж! Врешь, не отнимешь!

Герасим. Будет, пожалуйста, будет!..

Макар Алексеевич. Ты кто? Бонапарт?

Герасим. Это нехорошо, сударь. Пожалуйте пистолетик!

Макар Алексеевич. Прочь, раб презренный! На abordаж!

Внезапно послышались крики и стук в двери.

Кухарка (вбегая). Они! Батюшки родимые! Ей-богу, они!.. (Скрывается.)

Герасим и Пьер выпускают Макара Алексеевича, и тот скрывается с пистолетом.

Входят Рамбаль и Морель.

Рамбаль. Bonjour, la compagnie! (Герасиму.) Vous etes le bourgeois? Quartire, quartire logement. Les Fransais sont de bons enfants. Ne nous fachons pas, mon vieux {Почтение всей компании! Вы хозяин? Квартир, квартир. Не будем ссориться, дедушка.}.

Герасим. Барин нету – не понимаю... моя, ваш...

Макар Алексеевич (внезапно вбежав). На абордаж! (Целится.)

Пьер бросается на него. Макар Алексеевич стреляет. Герасим выскакивает вон.

Слышно, как заголосила кухарка.

Пьер. Vous n'etes pas blesse? {Вы не ранены?}

Рамбаль (ощупывая себя). Je crois que non, mais je l'ai manque belle cette fois-ci. Quel est cet homme? {Кажется, нет, но на этот раз близко было. Кто этот человек?}

Морель схватывает Макара Алексеевича.

Пьер. Ah, je suis vraiment au desespoir de ce qui vient d'arriver. C'est un fou, un malheureux, qui ne savait pas ce qu'il faisait {Ах, я, право, в отчаянии от того, что случилось. Это несчастный сумасшедший, который не знал, что делал.}.

Рамбаль (схватив за ворот Макара Алексеевича). Brigand, tu me la payeras (Пьеру.) Vous m'avez sauve laj f vie! Vous etes Fransais? {Разбойник, ты мне заплатишься за это. Вы спасли мне жизнь! Вы француз?}

Пьер. Je suis Russe {Русский.}.

Рамбаль. Ти-ти-ти, a d'autres! Vous etes Fransais: Vous me demandez sa grace. Je vous l'accorde Qu'on emmene cet homme {Рассказывайте это другим! Вы француз. Вы хотите, чтоб я простил его. Я прощаю его. Увести этого человека.}.

Морель (выталкивает Макара Алексеевича и возвращается). Capitaine, ils ont de la soupe et du gigot de mouton dans la cuisine. Faut-il vous l'apporter? {Капитан, у них в кухне есть суп и жареная баранина. Прикажете принести?}

Рамбаль. Oui et le vin! (Пьеру.) Vous etes Fransais. Charme de rencontrer un compatriote. Ramball, capitaine {Да, и вино. Вы француз. Приятно встретить соотечественника. Рамбаль, капитан.}. (Жмет Пьеру руку.)

Темно

СЦЕНА XVII

Ночь. В том же кабинете Баздеева. В окне комета и зарево. На столе вино.

Рамбаль, раздетый, под одеялом, дремлет. Пьер сидит возле него.

Рамбаль. Oh! Les femmes, les femmes!.. {О! Женщины, женщины!}

Чтец. Пьер почувствовал необходимость высказать занимавшие его мысли; он стал объяснять, как он несколько иначе понимает любовь к женщине. Он сказал, что он во всю жизнь любил и любит только одну женщину и что эта женщина никогда не может принадлежать ему.

Рамбаль (дремля). Tiens... {Вишь ты...}

Чтец. Потом Пьер объяснил, что он любил эту женщину с самых юных лет; но не смел думать о ней, потому что она была слишком молода, а он был незаконный сын без имени. Потом же, когда он получил имя и богатство, он не смел думать о ней, потому что слишком любил ее, слишком высоко ставил ее над всем миром и потому тем более над самим собою.

Дойдя до этого места своего рассказа, Пьер обратился к капитану с вопросом: понимает ли он это?

Капитан сделал жест, выражающий то, что ежели бы он не понимал, то он все-таки просит продолжать.

Рамбаль (засыпая). L'amour platonique, les nuages... {Платоническая любовь, облака...}

Чтец. Выпитое ли вино, или потребность откровенности, или мысль, что этот человек не знает и не узнает никого из действующих лиц его истории, или все вместе развязало язык Пьеру. И он шамкающим ртом, и масляными глазами глядя куда-то вдаль, рассказал всю свою историю: и свою женитьбу, и историю любви Наташи к его лучшему другу, и ее измену, и все свои несложные отношения к ней. Он рассказал и то, что скрывал сначала, – свое положение в свете, и уже открыл ему свое имя.

Рамбаль спит.

Пьер встал, протер глаза и увидел пистолет с вырезным ложем.

Пьер. Уж не опоздал ли я! Нет, вероятно, он сделает свой въезд в Москву не ранее двенадцати. (Берет пистолет.) Каким образом? Не в руке же по улице нести это оружие. Даже под широким кафтаном трудно спрятать большой пистолет. Ни за поясом, ни под мышкой нельзя поместить его незаметным. Кроме того, пистолет разряжен... Все равно, кинжал! (Берет кинжал, задувает свечу и крадучись выходит.)

Рамбаль (во сне). L'Empereur, L'Empereur... {Император, император...}

Темно

СЦЕНА XVIII

Ночь, изба, разделенная на две половины. В первой половине избы видны три женские фигуры в белом. Это Графиня, Наташа и Соня раздеваются и ложатся

спать. В окне зарево.

Чтец. ...Соня, к удивлению и досаде Графини, непонятно для чего, нашла нужным объявить Наташе о ране князя Андрея и о его присутствии с ними в поезде.

Соня. Посмотри, Наташа, как ужасно горит.

Наташа. Что горит?.. Ах да, Москва.

Соня. Да ты не видела?

Наташа. Нет, право, я видела.

Графиня. Ты озябла. Ты вся дрожишь. Ты бы ложилась.

Наташа. Ложиться? Да, хорошо, я лягу. Я сейчас лягу.

Графиня. Наташа, разденься, голубушка, ложись, на мою постель.

Наташа. Нет, мама, я лягу тут на полу. (С досадой.) Да ложитесь же!

Все ложатся. Тишина. Потом слышен протяжный стон.

(Встает.) Соня, ты спишь?.. Мама?.. (Осторожно пробирается к дверям.)

Темно

СЦЕНА XIX

Вторая половина той же избы. Ночь. Свеча. На лавке спит Почтенный

камердинер. На постели лежит в бреду князь Андрей. Над ним в полутьме склонился Чтец.

Андрей. Да, мне открылось новое счастье, неотъемлемое от человека... Пить!..

Чтец. И пити, пити, пити. И ти-ти. И пити, пити, пити... Над лицом его, над самой серединой, воздвигалось какое-то странное воздушное здание из тонких иголок или лучинок...

Андрей. Мне надо старательно держать равновесие...

Чтец. ...чтобы надвигающееся это здание не завалилось!

Андрей. Тянется, тянется, растягивается и все тянется!

Чтец. А красный окруженный свет свечки, шуршание тараканов и шуршание мухи, бьющейся на подушке?.. А кроме этого, белое у двери, это статуя сфинкса...

Андрей. Но, может быть, это моя рубашка на столе. А это мои ноги, а это дверь, но отчего же все тянется и выдвигается... Пить!..

Чтец. И пити, пити, пити...

Андрей. Довольно, перестань, пожалуйста, оставь!.. Да, любовь, но не та любовь, которая любит за что-нибудь, но та любовь, которую я испытал в первый раз, когда, умирая, я увидел своего врага и все-таки полюбил его. А сколь многих людей я ненавидел в своей жизни. А из всех людей никого больше не любил и ненавидел, как ее!..

Чтец. ...понял всю жестокость своего отказа, видел жестокость своего разрыва с нею.

Андрей. Ежели бы мне было возможно только еще один раз увидеть ее. Один раз, глядя в эти глаза, сказать... Пить!..

Дверь открывается, появляется Наташа и становится перед Андреем на колени.

Вы? Как счастливо!

Наташа. Простите! Простите меня!

Андрей. Я вас люблю.

Наташа. Простите...

Андрей. Что простить?

Наташа. Простите меня за то, что я еде... лала.

Андрей. Я люблю тебя больше, лучше, чем прежде!

Почтенный камердинер просыпается, в ужасе смотрит. Дверь открывается, и появляется Доктор.

Доктор. Это что такое? Извольте идти, сударыня!

Темно

СЦЕНА XX

Та же половина избы, что в XVIII сцене. На сцене Графиня, Граф, Соня.

Волнение, шепот.

Доктор быстро проходит во вторую половину избы.

Почтенный камердинер из второй половины пробегает через первую, потом обратно с водой. Затем слышались голоса.

Соня (бежит к дверям). Сюда, сюда!..

Марья (в дорожном платье, входит). Жив? Жив?

Графиня (шепотом Марье). Mon enfant, je vous aime et vous connais depuis longtemps {Дитя мое, я вас люблю и знаю давно.}.

Граф (Марье). Это моя племянница, вы не знаете ее, княжна...

Марья. Жив? Жив?

Наташа появляется из второй половины. Заплакав, обнимает Марью.

В каком он положении?..

Наташа. Ах, Мари, он слишком хорош. Он не может, не может жить!

Почтенный камердинер внезапно появляется на пороге, крестится, плачет.

Граф. Что?

Марья. Что?

Почтенный камердинер. Кончился!..

Марья, Граф, Графиня, Соня устремляются во вторую половину.

Наташа. Куда он ушел? Где он теперь?

Темно

СЦЕНА XXI

Москва горит. Поварская улица. Перины, самовар, образа и сундуки.

Марья Николаевна. Батюшки родимые, христиане православные, спасите, помогите, голубчик! Кто-нибудь помогите! Девочку! Дочь! Дочь мою меньшую оставили. Сгорела.

Человек в вицмундире. Полно, Марья Николаевна. Должно, сестрица унесла, а то больше где же быть!

Марья Николаевна. Истукан, злодей! Сердца в тебе нет! Свое детище не жалеешь! Другой бы из огня достал! А это истукан, а не человек, не отец!

Человек в вицмундире убегает. Выбегает Пьер.

Вы – благородный человек! Загорелось рядом, к нам бросило. В чем было, в том и выскочили! Вот захватили Божье благословение да приданую постель. Хватить детей, Катечки нет!

Пьер. Да где же она, где же она осталась?

Марья Николаевна. Батюшка, отец! Благодетель, хоть сердце мое успокой!

Пьер. Я... я сделаю! (Бросается в ворота горящего дома.)

Марья Николаевна убегает. Пьер за сценой: "Un enfant dans cette maison.

N'avez-vous pas vu un enfant?" {Ребенка в этом доме. Не видали ли вы

ребенка?} За сценой французский голос: "Un enfant? Je'ai entendu... Par ici... par

ісі..." {Ребенка? Я слышал... Сюда... сюда...} Выходят Красавица-армянка и Старик с восточным типом лица. Садятся на вещи. Затем выбегает Пьер с ребенком на руках. Выходят двое французов Маленький мародер и Мародер в капоте. Затем выбегает Рябая баба. Маленький

мародер указывает на ноги старика. Старик начинает снимать сапоги.

Рябая баба (Пьеру). Или потерял кого, милый человек? Чей ребенок-то?

Пьер. Возьми, возьми ребенка... Ты отдай им, отдай!..

Мародер в капоте начинает рвать ожерелье с шеи Красавицы-армянки.

Красавица-армянка кричит пронзительно.

(Отдав ребенка Рябой бабе.) Laissez cette femme! {Оставьте эту женщину!}
(Схватывает Мародера в капоте, бросает на землю.)

Маленький мародер (вынув тесак). Voyons, pas de betises! {Ну, ну! Не дури!}

Пьер бросается на Маленького мародера, сбивает его с ног и начинает бить.

Рябая баба голосит. Разъезд французских улан спешивается за сценой и

выбегает на сцену. Уланы начинают бить Пьера, потом обыскивают его.

Улан (вытаскивая из кармана Пьера кинжал). Il a un poignard, lieutenant {Поручик, у него кинжал.}

Офицер-улан. Ah... une arme! C'est bon, vous direz tout cela au conseil de guerre. Parlez-vous français, vous? Faites venir l'interprete! {А... оружие! Хорошо, на суде все расскажешь. Говоришь ли по-французски? Позовите переводчика!}

Уланы выводят Маленького человечка.

Маленький человечек (оглядев Пьера). Il n'a pas l'air d'un homme du peuple {Он не похож на простолюдина.}

Офицер-улан. Oh, oh, за m'a bien l'air d'un des incendiaires. Demandez-lui ce qu'il est {О, о, он очень похож на поджигателя. Спросите его, кто он.}

Маленький человечек. Ты кто? Ты должно отвечать начальство.

Пьер. Je ne vous dirai pas qui je suis. Je suis votre prisonnier. Emmenez-moi {Я не скажу вам, кто я. Я ваш пленный. Уведите меня.}

Офицер-улан (нахмурившись). Ah, ah, marchons! {А, а, марш!}

Разъезд уводит Пьера.

Рябая баба. Куда ж это ведут тебя, голубчик мой?

Девочку, девочку-то куда я дену?

Офицер-улан. Qu'est ce qu'elle veut, cette femme? {Чего ей нужно?}

Пьер. Ce qu'elle dit? Elle m'apporte ma fille, que je viens de sauver des flammes! Adieu!.. {Она несет мою дочь, которую я спас из огня. Прощай!}

Темно

Чтец. ...и он, сам не зная, как вырвалась у него эта бесцельная ложь, решительным, торжественным шагом пошел между французами.

Разъезд французов был один из тех, которые были посланы по распоряжению Дюронеля по разным улицам Москвы для пресечения мародерства и в особенности для поимки

Война и мир. Михаил Булгаков bulgakovmikhail.ru
поджигателей, которые, по общему мнению французов, были причиной пожаров.

СЦЕНА XXII

Чтец. На другой день Пьер узнал, что все взятые подозрительные русские, и он в том числе, должны были быть судимы за поджигательство.

Это был дом, в котором Пьер прежде часто бывал. Пьера ввели через стеклянную галерею, сени, переднюю...

Открывается зал Ростовых, разрушенный и ободранный. За столом сидит Даву.

Пьер стоит перед ним. В окнах дым. Слышна полковая музыка.

Даву. Qui etes-vous? {кто вы такой?}

Чтец. Пьер молчал, оттого что не в силах был выговорить слова. Даву для Пьера не был просто французский генерал, для Пьера Даву был известный своей жестокостью человек. Пьер чувствовал, что всякая секунда промедления могла стоить ему жизни; но он не знал, что сказать. Открыть свое звание и положение было и опасно и стыдно. Даву приподнял голову, приподнял очки на лоб, прищурил глаза. "Я знаю этого человека", - мерным, холодным голосом, очевидно рассчитанным на то, чтобы испугать Пьера, сказал он.

Холод, пробежавший прежде по спине Пьера, охватил его голову как тисками.

Пьер. Mon general, vous ne pouvez pas me connaitre, je ne vous ai jamais vu...
{Вы не могли меня знать, генерал, я никогда не видал вас.}

Даву. C'est un eption russe. Русский шпион.

Пьер. Non, Monseigneur! Non, Monseigneur, vous n'avez pas pu me connaitre. Je suis un officier militionnaire et je n'ai pas quitte Moscou {Нет, ваше высочество, вы не могли меня знать. Я офицер милиции, и я не выезжал из Москвы.}

Даву. Votre nom {ваше имя?}.

Пьер. Besouhof.

Даву. Qu'est ce qui me prouvera que vous ne mentez pas? {кто мне докажет, что вы не лжете?}

Пьер (умоляюще). Monseigneur!

Чтец. Даву поднял глаза и пристально посмотрел на Пьера. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Теперь Даву видел в нем человека. Он задумался на мгновение.

Даву. Comment me prouverez-vous la verite de ce que vous me dites? {чем вы докажете справедливость ваших слов?}

Пьер. Вспомнил! Вспомнил!

Чтец. Пьер вспомнил фамилию Рамбалья и назвал его полк и улицу.

Даву (с сомнением). Vous n'etes pas ce que vous dites {Вы не то, что вы говорите.}.

Пьер. Monseigneur!

Адъютант выходит и что-то шепчет Даву.

Чтец. Даву стал застегиваться. Он, видимо, совсем забыл Пьера. Когда адъютант напомнил ему о пленном, он, нахмурившись, кивнул в сторону Пьера и сказал, чтобы его вели. Но куда его должны были вести - назад или на приготовленное место казни, - Пьер не знал.

Темно

СЦЕНА XXIII

Двор. Французские солдаты в синих мундирах и в киверах выводят двух бритых Острожных. Дворового лет 45. Очень красивого мужика. Желтого фабричного, ставят их в ряд. Последним в этом ряду ставят Пьера. Послышался грохот барабанов.

Чтец. Одна мысль за все это время была в голове Пьера: кто, кто же наконец приговорил его к казни? Это был не Даву, который так человечески посмотрел на него. Еще бы одна минута, и Даву понял бы, что они делают дурно, но этой минуте помешал адъютант, который вошел. И адъютант этот, очевидно, не хотел ничего худого, но он мог бы не войти.

Кто же это, наконец, убивал его, Пьера, со всеми его воспоминаниями, стремлениями, надеждами, мыслями? И Пьер чувствовал, что это был никто.

Порядок какой-то убивал его, Пьера, уничтожал его.

Двум Острожным завязывают глаза, уводят. Барабаны. Залп. Мужу и фабричному завязывают глаза, уводят. Барабаны. Залп. Голос за сценой: "Tirailleurs du

86-me, en avant!" {Стрелки 86-го, вперед!} Берут пятого фабричного в халате. Тот отпрыгивает и схватывается за Пьера. Пьер отрывается от него.

Фабричному завязывают глаза, тот поправляет узел на затылке.

Его уводят.

Чтец. Пьер, тяжело дыша, оглядывался вокруг себя, как будто спрашивая, что это такое. Тот же вопрос был и во всех взглядах. На лицах французских солдат, офицеров он читал такой же испуг, ужас и борьбу, какие были в его сердце.

Пьер. Да кто же это делает, наконец? Кто же?

Барабаны. Залп. Пауза.

Адъютант Даву (Пьеру). Sa leur apprendra a incendier! {Это их научит поджигать!}

Чтец. Пьер не понял того, что он спасен, что он был приведен сюда только для присутствия при казни.

Солдаты берут Пьера и уводят в другую сторону.

Темно

Чтец. После казни Пьера отделили от других подсудимых. Перед вечером караульный унтер-офицер объявил Пьеру, что он прощен и поступает теперь в бараки военнопленных.

СЦЕНА XXIV

Ночь. Изба. Лампада у образов. Кутузов раздет, в постели.

Чтец. Он, как опытный охотник, знал, что зверь ранен, ранен так, как только могла ранить вся русская сила, но смертельно или нет, это был еще не разъясненный вопрос.

Кутузов (бормочет в полусне). Он ранен смертельно... Им хочется бежать посмотреть, как они его убили. К чему? К чему? Точно что-то веселое есть в том, чтобы драться. Они точно дети!..

Стук.

Эй, кто там? Войдите, войди!

Толь со свечой входит.

Что новенького?

Толь взволнован, подает пакет.

(Прочитав.) Кто привез?

Толь. Не может быть сомнения, ваша светлость.

Кутузов. Позови, позови его сюда!

Толь вводит Болховитинова.

Подойди, подойди поближе. Какие ты привез мне весточки? А? Наполеон из Москвы ушел? Воистину так? А? Говори, не томи душу!..

Болховитинов. И пленные, и казаки, и лазутчики единогласно показывают одно и то же,

кутузов (у образов). Господи, создатель мой! Внял ты молитве нашей... Спасена Россия. Благодарю тебя, Господи!

Темно

Чтец. Со времени этого известия вся деятельность Кутузова заключается только в том, чтобы властью, хитростью, просьбами удерживать свои войска от бесполезных столкновений с гибнущим врагом.

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА XXV

День. Дождь. Шалаш. Денисов, Эсаул и скорчившийся от страху пленный

барабанщик-мальчик Венсон Босс.

Эсаул. Едет кто-то... Офицер...

Петя (выходит). От генерала. Извините, что не содеем сухо... (Подает пакет.)

Денисов читает

Вот говорили все, что опасно, опасно... Впрочем, у меня два пистолета...

Денисов. Ростов! Петя! Да как же ты не сказал, кто ты? (Эсаулу.) Михаил Феоклитыч! Ведь это опять от немца, он при нем состоит. (Озабоченно.) Ежели мы его сейчас не возьмем, он у нас из-под носа выг'вет!..

Эсаул. Гм..

Петя. Будет какое приказание от вашего высокоблагородия?

Денисов. Пг'иказания?.. Да ты можешь ли остаться до завтг'ашнего дня?

Петя. Ах, пожалуйста... Можно мне при вас остаться?

Денисов. Да как тебе велено от генерала?

Петя. Да он ничего не велел, я думаю, можно?

Денисов. Ну, ладно.

Петя. Только вы пустите меня в самую главную!.. Василий Федорович! Пожалуйста!

Денисов. В самую главную?.. Пг'ошу слушаться и никуда не соваться...

Петя (Эсаулу). Ах, вам ножик? Возьмите, пожалуйста, себе. У меня много таких. Я у нашего маркитанта купил. Очень честный. Это главное... Это кто?

Эсаул. Пленный барабанщик. Венсон Босс зовут.

Петя. А можно дать ему чего-нибудь поесть?

Денисов (рассеянно). Можно.

Петя (с чувством). Позвольте вас поцеловать, голубчик. (Целует Денисова.) Bosse! Vincent!

Босс подходит.

Voulez-vous manger? N'avez pas peur, on ne vous fera pas de mal {Хотите есть? Не бойтесь, вам ничего не сделают.}. (Вынимает из сумки еду подает.)

Босс. Merci, monsieur {Благодарю.}! (Отойдя, жадно ест.)

Долохов (выходит). Давно у тебя молодчик этот?

Денисов. Нынче взяли, да ничего не знает.

Долохов. Ну, а остальных ты куда деваешь?

Денисов. Как куда? Отсылаю под г'асписки! И смело скажу, что на моей совести нет ни одного человека!

Долохов. Вот молоденькому графчику в шестнадцать лет говорить эти любезности прилично, а тебе-то уж это оставить пора!

Петя. Что ж, я ничего не говорю...

Долохов. Ну этого ты зачем взял к себе? Затем что тебе его жалко? Ведь мы знаем эти твои расписки. Ты пошлешь их, а они помрут с голоду или их побьют. Так не все ли равно их не брать?

Денисов. Помг'ут? Только бы не от меня...

Внезапно послышался шум движения обозов. Все стихли.

Тихон (появляется внезапно). Французы! В гору выдираются. Вот они!

Денисов. Бг'ать?

Петя. Брать, брать!..

Эсаул. Место удобное.

Денисов. Бг'ать! Пехоту низом болотами... Вы заедете с казаками оттуда...

Долохов бросается вон.

Эсаул. Лощиной нельзя будет, трясина. Коней увязишь, надо объезжать полее... (Бросается вон.) Денисов (Тихону). Беги, давай сигнал!

Тихон убегает.

Петя. Василий Федорович, вы мне поручите что-нибудь? Ради Бога!..

Денисов. Слушаться меня и никуда не соваться. Лежать в шалаше.

За сценой выстрел.

Сигнал! (Бросается вон.)

За сценой свист казачий. Захлопали выстрелы. Ближе гул. Босс бросается
ничком. Крик за сценой: "В объезд! Пехоту обождать!"

Петя (выбегая из шалаша). Пехоту обождать... Ура-аа!.. (Устремляется куда-то, но
тотчас же падает.)

Долохов (появляется). Готов.

Денисов. Убит?

Долохов. Готов.

Темно

СЦЕНА XXVI

В провинции.

Графиня. Соня... Соня... Последние несчастные обстоятельства... Ведь мы потеряли
все имущество в Москве... Одно спасение, чтобы Николай женился на Болконской...
Разорви свои связи с Николаем, напиши ему!

Соня начинает плакать.

Соня, ты напишешь Николеньке!

Соня. Мне слишком тяжело думать, что я могу быть причиной горя или раздора в
семействе, которое меня благодетельствовало. Я сделаю все, я на все готова, я
напишу Nicolas, чтобы он считал себя свободным!

Графиня. Соня, Сонечка! (Обнимает ее.)

Голоса, плач.

Дуняша (всхлипнув). Несчастье, о Петре Ильиче письмо.

Граф (плача, входит). Петя... Пе... Петя...

Марья вбегает, обнимает Графиню.

Графиня. Наташу, Наташу! Неправда! Он лжет! Наташу! Подите все прочь, неправда!
Убили! Неправда!

Граф. Графинюшка!

Наташа (появилась). Друг мой! Маменька!

Графиня. Как я рада, что ты приехал. Ты похорошел и возмужал!

Наташа. Маменька, что вы говорите!

Графиня. Наташа! Его нет больше! (Идет.)

Все устремляются за ней.

Соня (одна). Я жертвую, жертвую. Я привыкла жертвовать собой! Но прежде, жертвуя
собой, я становилась более достойна Nicolas! А теперь, теперь жертва в том чтобы
отказаться от того, что составляло всю награду жертвы, весь смысл жизни! Я
горечь чувствую к вам! Горечь! Вы меня благодетельствовали, чтобы больнее
замучить. Ну что же, я жертвую!

Темно

СЦЕНА XXVII

Чтец. О той партии пленных, в которой был Пьер, во время всего движения от Москвы, не было от французского начальства никакого распоряжения. Партия эта 22 октября находилась уже не с теми войсками и обозами, с которыми она вышла из Москвы. Из 330 человек, вышедших из Москвы, теперь оставалось меньше ста.

Пленные еще больше, чем седла кавалерийского депо и чем обоз Жюно, тяготили конвоирующих солдат. Седла и ложки Жюно, они понимали, что могли на что-нибудь пригодиться, но для чего было голодным и холодным солдатам стоять на карауле и стеречь таких же холодных и голодных русских, которые мерзли и отставали дорогой, которых велено было пристреливать, это было не только непонятно, но и противно. И конвойные, как бы боясь в том горестном положении, в котором они сами находились, не отдался бывшему в них чувству жалости к пленным и тем ухудшить свое положение, особенно мрачно и строго обращались с ними.

Ночь. Привал. Костер. У костра лежит Пьер, босой и оборванный, и Платон Каратаев, укрывшись шинелью.

Каратаев (бредит). И вот, братец ты мой... И вот, братец ты мой...

Пьер. Каратаев! А, Каратаев!.. Что? Как твое здоровье?

Каратаев. Что здоровье? На болезнь плакаться, Бог смерти не даст. (Бредит.) И вот, братец ты мой, проходит тому делу годов десять или больше того. Живет старичок на каторге.

Пьер, махнув рукой, отворачивается от Каратаева.

Как следовало покоряется, худого не делает. Только у Бога смерти просит. Хорошо!.. И вот, братец ты мой, стали старика разыскивать. Где такой старичок безвинно-напрасно страдал? От царя бумага вышла! А его уже Бог простил - помер! Так-то соколик! (Тихо стонет.)

Француз-конвоир подходит, смотрит на Каратаева, потом подталкивает Каратаева прикладом. Тот поднимается, шатаясь, берет за поводок свою собаку. Конвоир уводит Каратаева. Потом вдали выстрел. Затем завывающая собака.

Пьер. Экая дура! О чем она воеет? (Ложится, дремлет.) В середине Бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать его. И растет, и сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вон он, Каратаев, вот разлился и исчез. Vous avez compris, mon enfant? {Понимаешь ты?} Каратаев убит. (Бредит.) Красавица полька на балконе моего киевского дома, куполы и жидкий колеблющийся шар, и опускаюсь куда-то в воду, и вода сошла над головой. (Засыпает.)

Пленный русский солдат подкрадывается к костру и, воровски оглядываясь, начинает жарить кусок лошадиного мяса.

Французский конвоир (отнимает у него мясо). Vous avez compris, sacre nom! за lui est bien egal! Brigand! Va! {Понимаешь ты, черт тебя дери! Ему все равно! Разбойник, право!}

Дальний топот конницы, свист, выстрелы. Крики: "Les cosaques!" {Казачья!}

(Бросая шомпол с мясом.) Les cosaques!

Пленный русский солдат. Казачья, казачья. Петр Кириллыч! Казачья. (Протирая руки.) Братцы родимые мои, голубчики.

Пьер, протирая руки, плачет.

Темно

СЦЕНА XXVIII

Дом Болконских в Москве. Та же комната, что во второй сцене Следы разгрома.

Вечер. Свеча. Наташа в трауре сидит в темном углу. Марья идет в трауре навстречу входящему Пьеру.

Марья. Да. Вот как мы с вами встречаемся. Я так была рада, узнав о вашем спасении. Это было единственное радостное известие, которое мы получили с давнего времени.

Пьер. Да, какая судьба! Марья. Вы не узнаете разве? Наташа. Пьер. Не может...

Марья. Она приехала гостить ко мне. Ей нужно видеть доктора. Ее насильно отослали со мной.

Пьер. Да, так, так... Да. Так он смягчился, успокоился. Он так всеми силами души всегда искал: быть вполне хорошим, что он не мог бояться смерти. Так он смягчился? Какое счастье, что он свиделся с вами.

Наташа. Да, это было счастье. (Встает, говорит взволнованно.) Мы ничего не знали, когда ехали из Москвы. И вдруг Соня сказала мне, что он с нами. Мне только надо было видеть его, говорить с ним. (Умолкает.)

Марья. Скажите, вы не знали еще о кончине графини, вашей жены, когда остались в Москве?

Пьер. Нет. Мы не были примерные супруги. Но смерть эта меня страшно поразила. Когда два человека ссорятся, всегда оба виноваты. Мне очень жаль ее...

Марья. Да, вот вы опять холостяк и жених. (Пауза.) Но вы точно видели и говорили с Наполеоном, как нам рассказывали?

Пьер. Ни разу. Никогда. Всегда всем кажется, что быть в плену – значит быть в гостях у Наполеона. Я не только не видал его, но и не слышал о нем. Я был в гораздо худшем обществе.

Наташа. Но ведь правда, что вы остались, чтобы убить Наполеона?

Пьер. Правда. (Пауза.) А ужасное зрелище. Дети брошены, некоторые в огне... Вырвали серьги...

Марья. Ну...

Пьер. Ну, тут приехал разъезд и всех тех, которые не грабили, всех мужчин забрали. И меня.

Наташа. Вы, верно, не все рассказываете, вы, верно, сделали что-нибудь... (Пауза.) Хорошее.

Пьер (засмеялся). Говорят, несчастья, страдания. Да ежели бы сейчас, сию минуту мне сказали: хочешь оставаться чем ты был до плена или с начала пережить все это? Ради Бога, еще раз плен и лошадиное мясо. Впереди много! (Наташе.) Это я вам говорю. Ну, прощайте, вам пора спать. (Встает.)

Наташа. Знаешь, Мари. Он сделался какой-то чистый, гладкий, свежий; точно из бани папа, бывало.

Марья. Он чудесный. Я понимаю, он – князь Андрей – никого так не любил, как его.

Наташа (вдруг гладит волосы Пьера). Стриженные волосы... (Плачет, выходит.)

Пьер. Я не знаю, с каких пор я люблю ее. Но я одну только ее, одну любил во всю мою жизнь и люблю так, что без нее не могу себе представить жизни. Просить руки ее теперь я не решаюсь, но мысль о том, что, может быть, она могла бы быть моею и что я упущу эту возможность, ужасна! Княжна, помогите мне! Что мне делать? Вы думаете, что я могу надеяться? Думаете?

Марья. Думаю. Уезжайте в Петербург. А я напишу вам.

Пьер. Княжна!!

Марья. Наташа! Он уезжает в Петербург!

Наташа (выйдя). Прощайте, граф. Я очень буду ждать вас. (Внезапно обнимает Пьера и целует.)

Пьер (задохнувшийся от радости). Нет, это невозможно! Невозможно!

Темно

СЦЕНА XXIX

Та же комната в доме Болконских. День.

Марья (одна). После такого холодного приема! Я была права, не желая ехать первая к Ростовым! Я ничего и не ожидала другого. Мне нет никакого дела до него, и я только хотела видеть старушку, которая была всегда добра ко мне и которой я многим обязана. (Плачет.)

Официант. Граф Николай Ильич Ростов.

Марья (вытерев слезы). Ска... нет. Проси сюда.

Официант выходит.

Приехал только для того, чтобы исполнить долг учтивости.

Ростов, в штатском платье, входит.

Садитесь, граф. (Пауза.) Здоровье Графини?

Ростов. Благодарствуйте.

Марья. Вы в штатском, граф!

Ростов. У меня отвращение к штатской службе. Но ехать в армию больше нельзя, после смерти отца мать держится за меня как за последнюю приманку жизни. Придется снять любимый мундир и взять в Москве место по штатской части. (Пауза.) Прощайте, княжна.

Марья. Ах, виновата. Вы уже едете, граф? Ну, прощайте.

Ростов. Да, княжна, недавно, кажется, а сколько воды утекло с тех пор, как мы с вами в первый раз виделись. Как мы все казались в несчастье, а я бы дорого дал, чтобы воротить это время... да не воротить!

Марья. Да, да. Но вам нечего жалеть прошедшего, граф. Как я понимаю вашу жизнь теперь, вы всегда с наслаждением будете вспоминать ее, потому что самоотвержение, которым вы живете теперь...

Ростов. Я не принимаю ваших похвал. Напротив, я беспрестанно себя упрекаю, но это совсем неинтересный и невеселый разговор. Прощайте, княжна. (Идет к дверям. Потом резко останавливается, поворачивается.)

Пауза.

Марья. Я думала, что вы позволите мне сказать вам это. Мы так сблизились с вами... и с вашим семейством, и я думала, что вы не почтете неуместным мое участие; но я ошиблась. Я не знаю почему, вы прежде были другой и...

Ростов. Есть тысячи причин - почему! Благодарю вас, княжна. Иногда тяжело.

Марья. Так вот отчего! Вот отчего! (Шепотом.) Нет, я не один этот веселый, добрый и открытый взгляд, не одну красивую внешность полюбила в вас. Я угадала твердую самоотверженную душу. Да, вы теперь бедны, а я богата... Да, только от этого! Но мне тяжело мое... Я признаюсь вам в этом. Вы из-за этого хотите лишиться

Война и мир. Михаил Булгаков bulgakovmikhail.ru
меня прежней дружбы. И мне это больно! У меня так мало было счастья в жизни, что мне тяжела всякая потеря. Извините меня, прощайте! (Заплакав, ушла.)

Ростов (отчаянно). Княжна! Пойдите, ради Бога! Княжна!

Марья возвращается.

(Некоторое время молчит, потом с размаху бьет своей шляпой об пол. Простите, простите, у меня гусарская привычка давать волю рукам. (Отчаянно.) Я... Я люблю вас!

Темно

СЦЕНА XXX. ФИНАЛ

Ноябрьский вечер. Мороз. Курган. Костры мушкетерского полка. Лес французских знамен.

Кутузов (выходит со свитой). Что ты говоришь?

Генерал. Французские знамена, ваша светлость!

Кутузов. А, знамена!.. (Обращается вдаль.) Благодарю всех. Благодарю всех за трудную и верную службу. Победа совершенная, и Россия не забудет вас. Вам слава вовеки! (Пауза.) Нагни, нагни ему голову-то!

Опускают французского орла.

Пониже, пониже, так-то вот! Ура, ребята.

За сценой тысячи голосов "Ура-ра-ра!!"

Вот что, братцы! Я знаю, трудно вам, да что же делать. Потерпите, недолго осталось. Выпроводим гостей, отдохнем тогда. За службу вашу вас царь не забудет. Вам трудно, да все же вы дома; а они, видите, до чего они дошли. Хуже нищих последних! Пока они были сильны, мы себя не жалели, а теперь их и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята? (Пауза.) А и то сказать, кто же их к нам звал? Поделом им, мать их!..

Рев тысячи голосов, хохот. Кутузов со свитой и знаменами уходит. К костру возвращаются мушкетеры.

Краснорожий. Эй, Makeев, что ж ты запропал? Или тебя волки съели? Неси дров!

Востроносый приподымается, но опять валится. Молодой вносит дрова, раздувает костер. За сценой хоровая песня: "Ах, маменька, холодная роса, да хороша, да в мушкетера!.."

Плясун (выходя). Ах, маменька, холодная роса!..

Краснорожий. Эй, подметки отлетят! Экой яд плясать!

Плясун. И то, брат! (Отвертывает ногу.) А ничего не знают по-нашему. Я ему говорю: "Чьей короны?", а он свое лепечет. Чудесный народ.

Молодой. Сказывал мужик-то этот под Можайском, где страженья-то была, их с десяти деревень согнали, двадцать ден возили, не свозили всех мертвых-то. Волков этих что, говорят!

Старый. То страженья была настоящая, только и было чем помянуть, а то все после того... Так, только народу мученье.

Молодой. И то, дядюшка, позавчера набежали мы... Так куда те, до себя не допускают. Живо ружья покидали. На коленки. Пардон, говорит. Так только пример один. Сказывали, самого Полиона-то Платов два раза брал. Слова не знает.

Возьмет, возьмет: вот на те, в руках, перекинется птицей, улетит, да и улетит. И убить тоже нет положенья.

Фельдфебель I. Эка врать ты здоров, Киселев, посмотрю на тебя.

Молодой. Какое врать, правда истинная.

Краснорожий. А кабы на мой обычай, я бы его, изловимши, да в землю бы закопал. А осиновым колом. А то что народу загубил.

Старый. Все одно конец сделаем, не будет ходить...

Шаги по снегу.

Плясун. Ребята, ведмедь...

Входят Рамбаль и Морель. Рамбаль в офицерской шляпе. Морель в женской шубенке и обвязан по-бабьи. Рамбаль падает у костра. Морель указывает на свой рот. Мушкетеры расстилают Рамбалью шинель и дают каши и водки. Рамбаль стонет, отказывается есть. Морель, жадно поев каши и выпив водки, указывает на свои плечи, хочет объяснить, что Рамбаль офицер и что

его надо отогреть.

Фельдфебель I . Офицер...

Фельдфебель II. Спросить у полковника, не возьмет ли отогреть.

Фельдфебель I показывает Рамбалью, чтобы он встал. Рамбаль поднимается, шатается.

Краснорожий. Что? Не будешь?

Плясун. Э, дурак! Что врешь нескладно. То-то, мужик, право, мужик!

Молодой солдат и Вышедший солдат поднимают Рамбаля, несут.

Рамбаль (обнимая их шеи). Oh mes braves, oh mes bons amis. voilà des hommes! Oh mes braves, mes bons amis! {О молодцы! О мои добрые, добрые друзья! Вот люди! О мои добрые друзья!}

Морель (жадно ест, пьет. Захмелев, поет). Vive Henri quatre! Vive ce roi vaillant!

Песельник. Ну-ка, ну-ка, научи, как? Я живо перейму. Как?

Морель (обнимая Песельника). Vive Henri quatre! Vive ce roi vaillant! Ce diable a quatre... {Да здравствует Генрих Четвертый! Да здравствует сей храбрый король!}

Песельник. Виварика! Ви ф серуверу! Сидибляка!

Хохот.

Краснорожий. Вишь ловко! Го-го-го! Плясун. Ну, валяй еще, еще!

Морель.

Qui eut le triple talent

De boire, de battre

Et d'etre un vert geiant

{Имевший тройной талант пить,

драться и быть любезником.}

Плясун. А ведь тоже складно. Ну, ну, Залетаев! Песельник. Кю... Кю-ю-ю... летриптала де бу де ба и детравогала.

Краснорожий. А важно! Вот так хранцуз! Ой-го-го!

Фельдфебель I. Дай ему каши-то; ведь не скоро наестся с голоду-то.

Дают Морелю каши, он жадно ест.

Старый. Тоже люди. И полынь на своем кореню растет.

Фельдфебель II. О-о! Господи, Господи! Как звездно, страсть. К морозу...

Слышна песня: "...Ах, маменька, холодная роса, да хороша, да в мушкетера..."

Темно

Чтец. И все затихло. Звезды, как будто зная, что теперь никто не увидит их, разыгрались в черном небе. То вспыхивая, то потухая, то вздрагивая, они хлопотливо о чем-то радостном, но таинственном перешептывались между собой.

Конец

25.11.1932 г. Москва

КОММЕНТАРИИ

Публикуется автограф пьесы, хранящийся в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) ф. 369, ед. хр. 207, с учетом машинописного экземпляра, в котором есть полный список действующих лиц и деление на действия, отсутствующие в автографе (ф. 369, ед. хр. 208), по ксерокопии книги: Булгаков М. Кабала святош, М., 1991. Составители В. Лосев, В. Петелин.

В публикуемый текст внесены исправления: вместо Адраскин – Апраксин, вместо Ростопчин – Растопчин, как в "Войне и мире" Л. Н. Толстого.

Над инсценировкой "Войны и мира" Булгаков начал работать сразу после окончания фантастической пьесы "Адам и Ева", заключив договор с Большим драматическим театром в Ленинграде. 30 августа 1931 года он писал Станиславскому: "Если только у Вас есть желание включить "Войну и мир" в план работ Художественного театра, я был бы бесконечно рад предоставить ее Вам". Но в Театре все еще надеялись поставить "Бег" и "Кабалу святош", так что не торопились заключать договор. На одном из автографов инсценировки Булгаков оставил запись: "работу над инсценировкой Войны и Мира я начал 24-го сентября 1921 года... Но потом, увы, я бросил эту работу и возобновил ее только сегодня, 22 декабря 1931 г." (Цитирую по Собранию сочинений в пяти томах, М., 1990, т. 3, с. 606, автор комментариев – Я. Лурье.)

27 февраля 1932 года Булгаков отправил пьесу в Ленинград. Но ответ был отрицательный: пьесу не приняли к постановке.

Договор на инсценировку "Войны и мира" заключил и МХАТ 20 мая 1932 года Немирович-Данченко писал О. Бокшанской: "Из старой литературы мне приятней всего думать о "Войне и мире". Булгаков обещал, кажется, дать синопсис". Но МХАТ инсценировку не поставил, занятый постановкой инсценировки "Мертвых душ".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Башки buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!